

МАКСИМ ВОЛЖСКИЙ

Когда-то был Адрей

16+

Максим Волжский
Когда-то был Апрель

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Волжский М.

Когда-то был Апрель / М. Волжский — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5320-9604-2

Земля — это полигон, где сражаются непримиримые соперники со всей Вселенной. Разномастные пришельцы, самых невообразимых рас и убеждений — бьются на нашей планете, считая её рядовым ристалищем и ступенькой, ведущей к большой победе. И только землянин по имени Апрель достоин ответить инопланетному племени Тёмной Вселенной. Четыре путешествия в прошлое ожидают героя. Древние русы, предательство викингов — жадность, обман и обезумевшие враги — служат уроком парню из современной Москвы; а кристаллы Фаро возвращают из Апреля непобедимого воина и верного защитника планеты.

ISBN 978-5-5320-9604-2

© Волжский М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Беркут	7
Глава 2 Славы – пришествие. Три года назад	9
Глава 3 Москва – наше время	16
Глава 4 Союз Светлых и Тёмные Альянс	19
Глава 5 Добрые соседи, хорошие друзья	22
Глава 6 Последний гзур – Тагентай	27
Глава 7 Ключ зажигания	33
Глава 8 Где ты, славянское братство?	37
Глава 9 Эх, Сигизмунд	44
Глава 10 Урок дружбы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пролог

Расширяя границы, Боги дарили жизнь на самых дальних рубежах, необъятной Вселенной. Творцы восхищались победой над пустотой и любили созданных ими тварей. Но Боги порой ненавидели свой кропотливый труд, считая его неблагодарным и праздным. И тогда, переполненные разочарованием и гневом, Создатели в ярости убивали свои шедевры, отбирая горстями сущности павших. А спустя века, когда они успокаивались, наступало время Возрождения.

Готовясь к грядущим сражениям, Творцы снова заполняли душами тела, слепленные из пыли и воды. Они, как прежде, строили верную армию, целясь в родственные сердца, чтобы, когда придёт время, разрушить братские мечты лучшими воинами из людей, превращая планеты в пепел, а звёзды в тлен.

На бескрайней шахматной доске, с неисчислимым количеством тёмных клеток и ровно таким же паритетом светлых частей, разыгрывалась партия, которая давно превратилась в нескончаемую, но вполне осмысленную игру. Боги уничтожали фигуры единокровного противника, чтобы захватить бурлящие энергией звёздные галактики, а затем снова и снова переделывать их на свой лад. Светлый Творец сеял ослепительный мир, Тёмный Хозяин рождал обжигающий холод.

– Ближе тебя нет никого во Вселенной. Ты мой единственный друг, – признался Тёмный Властелин, и его мимолётный взгляд превратил россыпь блистательных звёзд в холодные, колющие глыбы.

– К сожалению, ты мой единственный брат, – ответил мудрый Бог Света и окружил остывшие звёзды планетами, возвращая надежду миллиардам встревоженных сердец.

– Братья, не помнящие своего отца, – тяжело вздохнул Тёмный Создатель, и семена Тьмы, огненным, метеоритным дождём коснулись безжизненной поверхности, спящих планет.

– Значит, мы с тобой несчастные сироты? – изумился Светлый Творец и сделал ход, пуская в бой одну из тайных фигур.

Как и в любой работе, иногда при создании новых миров случались накладки и недоразумения. Фигуры Светлого Бога по ошибке приобретали голубоватый оттенок, а вполне реальные Вселенные Тёмного Создателя – становились серыми, непредсказуемыми лотами.

Эти миры с виду казались безобидными и чудо как привлекательными. Но Боги знали, что может сотворить разноцветье радужных красок с чётко разделённой границей на Свет и Тьму. И потому нейтральными мирами братья жертвовали в первую очередь. А те, кто говорят, что Творцы терпимы к разнообразию цвета, всего лишь мечтательные романтики, которым неведомы космические правила игры.

– Хороший ход брат. Отличная мишень! – оценивая мастерство, шептал Тёмный Бог, и бездонная, мрачная галактика к его неудовольствию превратилась в яркую клетку, изумительную и чистую, словно в ней навсегда зажглись тысячи жарких звёзд.

– Это только удача. Не хвали меня. Я недостойн, – создавая в захваченной пустоте мир заново, улыбнулся Светлый Творец, и его волшебные искры породили крохотную кузнечную печь на одной из каменистых планет.

Тёмный Властелин видел, что его план рушится и, делая уже свой выпад, громыхнул злой шуткой, желая отвлечь противника:

– Боишься доброго слова, братец? У тебя много талантов, но в гонке за лживой любовью ты теряешь разум. Шах, мой несговорчивый брат!

Светлый Создатель слышал от своего родственника и не такие слова. Поправляя седовласую прядь, он на мгновение задумался, а затем его рука потянулась к одной фигуре, мерцающей каплями голубого океана.

Под ударом оказалась звёздная система и цветущая пёстрыми красками планета – под названием Земля. Взвешивая шансы защиты, Светлый трижды взмахнул кристаллическим жезлом и, внезапно повернувшись спиной, нанёс ответный удар, на отдалённом участке доски сражения.

– Жертвуешь солнцем? Ты жалуешь мне планету? – удивился Властелин холодной Вселенной. – Подумай ещё раз.

– Земля защищена, как не одна из других фигур, – раскрыл тайну Светлый Создатель. – Но если случится так, что ошибаюсь и потеряю планету – то невеликая беда. Это всего лишь игра, и я отыграюсь в другом времени.

Тёмный Бог тронул кончиками пальцев лучезарный купол, построенный Творцом Света. Видимый только Всевышним, сияющий свод, обжигал и жаркими искрами тревожил несмотря на малые размеры Земли.

Откровенно говоря, Хранитель Тьмы любил своего брата, но не верил в ответное чувство. Его Светлый родич невероятно умён и беспредельно изобретателен, когда дело касается уникальных миров. Может быть, это хитрый план заманить его в невидимую ловушку; а после нанести обиду и поражение в короткой войне. А, возможно, это элементарная оплошность Творца.

– Ну что же, – решился Тёмный Властелин, – фигуры расставлены, и в этот раз я обязательно выиграю партию.

Глава 1 Беркут

Беркут прожил рядом с пришельцем, который назвался именем Ветер, совсем не много – всего три года. Чтобы осознать, с какой целью гость из космоса прибыл на Землю и почему двух людей, рождённых в разных мирах, связывает дружба – понадобятся десятилетия, а то и века. Не так прост пришелец, каким хочет казаться; но всё-таки он остаётся единственным другом и верным союзником Беркута.

Сегодня утром случился бой. Двум Тёмным воинам не повезло. Первому Ветер срубил голову, а второго расчленил на куски так, что не единого шанса на спасение не осталось. После казни, поверженные пришельцы холодного мира, отправились домой на свои планеты, чтобы снова вернуться на Землю и если случится – отомстить своему палачу.

Светлый ратник долго провёл в засаде, несколько дней выжидая встречи с арглами – и всё потому, что хотел сделать подарок другу.

Ветер присел рядом с землянином и протянул кривой нож, с широким и невероятно опасным лезвием.

Беркут принял подарок и улыбнулся:

– Спасибо тебе, брат. Давно мечтал о таком клинке.

Пришелец ответил улыбкой и промолчал. Ветер вообще не любил говорить, но иногда его не остановить – особенно вечерами.

– Красиво здесь! – глядя на пылающий закат, восхищался пришелец. – Уходящее заоблачный горизонт солнце, что может быть прекраснее на Земле?

– Рассвет, – тихо почти шёпотом ответил Беркут.

Гость планеты сверкнул рассудительным взглядом, вспоминая утренний восход солнца, затем соглашаясь с человеком, кивнул густою бородой:

– Да, рассвет пробуждает планету – и это явление не менее завораживающе. А ещё я люблю лёгкий мороз. Обожаю первый снег, падающий с небес тонкими, ледяными кристаллами.

– Эти кристаллы называются снежинки, – улыбнулся пришельцу землянин. – А мороз? Тебя не пугает ни песчаная буря, ни вьюга у полярных морей. Тебе ни тепло, ни холодно.

– Не забывай Беркут, я идеальный создатель. Я подмечаю то, что землянам кажется обыденным и унылым, – пожал плечами Ветер и, продолжая смотреть на уходящее солнце, снова задал вопрос человеку: – Скажи, ты скучаешь о своём прежнем доме?

– Не знаю. Порой мне кажется, что здесь моя семья – в этом времени. Столько дел впереди, столько забот. Первый раз за три года, вот так беспечно провожу вечер. А ты, скучаешь?

Скучать и сожалеть гостю Земли совершенно не о чем. Радоваться природному явлению, пролетев расстояние в миллионы звёзд – занятие, безусловно, романтическое, но на практике не имеющее никакого смысла. На его далёкой Родине, на планете Слав – закаты и рассветы были не менее роскошны. Здесь же на Земле Светлого пришельца интересовала более опасная роль. И никакой восход солнца, и никакие воспоминания о лужайке отеческого дома не могли значить больше, чем задание, которое он выполнял.

При всей внешней схожести с обычным землянином слав являлся для рядового жителя планеты – если не Богом, то несокрушимым хранителем, спустившимся со звезды.

Инопланетный гость не чувствовал жара палящего солнца, не ощущал холода первых морозов или всю прелесть январской стужи. Ему неизвестно, что такое болезнь, страх, голод, смерть или обычный человеческий стыд. Для знакомства с людьми пришлось объяснять пришельцу, что надо соблюдать рамки приличия и правильно носить одежду, чтобы скрывать наготу и не смущать русоволосых красавиц.

Ветер нуждался в постоянной поддержке и метких подсказках Беркута: как правильно одевать себя, когда смеяться или хмуриться, реагируя на шутки товарищей, какое место необходимо занять за общим столом, чтобы обозначит лидерство, как знаться с мужчинами и что говорить женщинам, не оскорбляя и не отталкивая их от себя.

Пришелец быстро учился, запоминая уроки жизни с людьми.

И теперь, когда он правильно оделся, а на его лице отросла пышная борода, Ветра было не отличить от обычного землянина. Слав не только отпустил растительность на лице, он всей Светлой душой хотел стать настоящим жителем этой планеты. На Землю Ветер прибыл по долгу службы, и в руке он держал билет лишь в одну сторону. Обрато инопланетный воин мог отправиться, только провалив своё задание, оставив человечество на растерзание сущностям из холодного мира.

Сегодня, провожая очередной день, Светлый пришелец и его потомок любовались закатом. Они с нетерпением ожидали рождения новой эпохи. Наступало время рассвета и пробуждения ото сна своего народа.

Землянин Беркут лучше других ведал, что ждёт людей в будущем.

Он не просто надеялся на случайную победу, Беркут знал, что все ожидания сбудутся, и процветание соплеменников станет явью. Пусть придётся пройти сложный путь и заплатить бесчисленным количеством жизней своих братьев и сестёр, но он и Ветер, через тысячу лет встретят такой же чарующий закат, и никакая сила во Вселенной не сможет остановить их.

– Пора Ветер. Я с нетерпением жду прибытия твоих братьев. Возвращайся с хорошими новостями, – вздохнул землянин и отрешённо всмотрелся в темноту сказочного города, погрузившегося в сон.

Беркут неестественно щурил глаза, будто желал рассмотреть, что-то особенное в вечернем полумраке.

На обочине временного шоссе с односторонним движением, по которому воин путешествовал не один раз, он различал силуэты знакомых с детства белокаменных зданий, близких людей или случайных попутчиков. Спустившаяся ночь и туман, как ни странно, помогали ему рисовать фантомы прошлого в этом мареве. Идя совсем рядом, иллюзорные персонажи подсказывали ему, но, ни кто, ни один призрак, ни один человек на Земле не мог открыть тайну, скрытую в его собственном сердце. Какие переживания и тревоги таятся в бессмертной душе, знал только тот, кто создал его таким.

– И всё-таки ты скучаешь о доме, брат, – заметив глубокую печаль в своём потомке, сказал Ветер, и тут же встав и не дождавшись ответа, отправился в осенний лес, чтобы встретить давних друзей.

Глава 2 Славы – пришествие. Три года назад

Ветер стоял у края лесной опушки. Вскинув голову, он смотрел ввысь, на быстро бегущие облака.

Его длинные волосы, часть из которых сплетены в тоненькие косички, свисали вдоль спины – некоторые из них падали на мускулистые плечи, покрытые накидкой из медвежьего меха. Накидка скрывала от любопытных глаз могучий торс славы и первобытными фалдами, касалась голенища ниже колен. Ноги пришельца обуты в мохнатые сапоги из шкуры оленя и стянуты крепкими шнурами на стопах. Бёдра прихватил широкий ремень. Под ремень заправлен топор на массивной ручке из дерева. Это оружие опасно и явно опережает на века своё время. Посмотришь, как блистает на солнце металл зеркально обработанного топорщица и сразу становится понятно – человек знает толк в оружие – он совсем не дикарь. Взглянув в большие глаза, исчезают последние сомнения – это существо глубокого разума и безграничной воли. Его голубая, как небо роговица завораживает, а взгляд поглощает и даёт понять всем – я здесь хозяин! Это мой мир – мир Света!

Расправив ладонью густую бороду, Ветер опустил глаза и внимательно взглянул на поверхность мистического портала.

В бескрайнем море сосен непролазного кустарника и богатой на ягоды траве, спаянная из сотен тысяч гранул плита размером с крупное семя подсолнуха, мистически выделялась на фоне первозданного леса.

Пришелец присел и бережно смёл принесённые непогодой листья. Сдувая осенние, пожелтевшие листочки за пределы чётко проявляющейся шероховатой поверхности, он прижал ладонь и почувствовал тепло, исходящее от плиты.

Получив нужные ответы, мужчина встал, поправил боевой топор, заправленный за пояс, и сделал пару шагов назад. Выходя из круга, Ветер затянул потуже пёструю ленточку, стягивающую волосы. Затем он снова разгладил пышную бороду и, закрыв глаза, замер в ожидании, приготовившись к чему-то важному.

Яркий блеск тысячи фотовспышек ослепил осенний лес.

На секунду свет вспыхнул и мгновенно погас, переместив на Землю два абсолютно голых существа. Рождённые всплеском энергии тела пришельцев стояли в самом центре портала и синхронно, словно находясь под гипнозом, покачивались в такт вековым соснам.

Бородатый мужчина, выхватив из-за пояса топор, высоко метнул его вверх. Топор из фритской стали совершил с десятков вращений в воздухе и вернулся в крепкую ладонь хозяина. Счастливой улыбкой Ветер встречал дорогих гостей – с такой далёкой, но такой родной планеты Слав.

– Рад видеть вас, добрые славы! – потревожив сонный лес, громко крикнул он.

В ответ, ещё не остыв после межзвёздного перелёта, опустив головы и жмурясь, пришельцы болезненно привыкали к блеску яркой звезды. Они слышали своего сородича и знали, что именно он встретит их на Земле.

Рассматривая братьев, Ветер улыбался, словно восторженный отец. В каком-то смысле это и было рождение. Только младенцы, как всем известно, не весят за центнер и не имеют развитой мускулатуры зрелого физкультурника.

Один из космических гостей особо выделялся своей мощью. Сказать, что его тело было огромным – это преступно промолчать, скрывая от собеседника главную ценность инопланетного экземпляра.

Его рост, его грудa мышц и хмурость надбровных дуг, предупреждали каждого встреченного в будущем недруга, что спорить с гигантским человеком попросту опасно. У громадного пришельца рельефная грудь, как у античных богов, богатырские плечи и могучие руки, выда-

ющие в нём недюжинную крепость. Казалось, что если в эти руки попадётся что-то привычно незыблемое, то не пройдёт и минуты, как здоровяк при желании превратит скальный камень в песок, а из железного наконечника копья с лёгкостью сомнёт липкий мякиш.

Но сейчас выразительный слав пошатывался, словно хмельной. Его космическая сила ещё не проснулась. Вены на теле гиганта лениво пульсировали, выбивая бешеный ритм нечеловеческого сердца, а объёмные мышцы, знакомясь с новой планетой, сокращались и слегка толкали громилу – то влево, то вправо.

Второй слав стоял рядом. Он совсем не уступал в росте гиганту. Судя по худобе стройного тела и живым глазам, которые уже приоткрылись и всё больше, и больше адаптироваться к дневному свету – его козыри и достоинства далеко не в физической силе.

Пришелец выглядел элегантно. Осанка, складная фигура, длинная шея и высоко поднятая голова с правильными чертами лица, подчёркивали величие разума и высшую степень интеллекта, потаённую в нём. Но все достоинства и кладёшь вселенских знаний ещё дремали в статном пришельце. Так же как и громила, он плавно покачивался, будто находился не на твёрдой земной поверхности, а стоял на палубе, плывущего по волнам парусного судна.

– Ничего-ничего, – подбодрил друзей Ветер, – ещё несколько земных часов и вы привыкнете к новым телам. Наслаждайтесь знакомством с планетой – воспоминания об этих мгновениях сохранятся на века.

Если бы космические странники могли видеть себя со стороны, то понимали, почему встречающий брат так забавляется, глядя на них.

Пришельцы были не просто голыми – на бледных телах не росло ни единого волоска, а кожа славов на вид казалась гладкой, как будто бархатной – без шрамов, грязи и морщин. Не опалённые солнцем тела медленно просыпались – и Ветер знал, что скоро, буквально всего за несколько часов эти существа, из дремлющих и неуклюжих исполинов, превратятся в земных Богов; чтобы, набравшись сил, вершить свою правду на вверенной им планете.

Сравнение с чем-то сверхъестественным и далёким для понимания обычного человека, вовсе не пустая метафора и не зов одинокого путника в бесконечно высоких горах, на холодной планете Аргл. Потому что славы лишь только осваивали новенькие костюмы, и первое появление на Земле вполне можно назвать рождением – совсем неземных, почти божественных, но всё-таки людей. Людей способных защитить не только свою честь, но и спасти миллиарды землян, от власти Тёмного народа – безжалостного и слепого в своём величии.

Могучий пришелец наконец-то сфокусировал зрение. Он с нескрываемым любопытством посмотрел на встречавшего путешественников мужчину, со сверкающим топором в руке. После неловкой паузы гигант задумчиво дотронулся до волевого подбородка. Затем провёл ладонью по отражающей солнечный свет лысине. Ничего не обнаружив, он понимающе шевельнул неоперившимися бровями. Громила включил мимические мышцы лица, широко улыбнулся и, потоптавшись секунду на месте, сделал пару огромных шагов в направлении Ветра.

Подойдя, он медленно по слогам произнёс первые в своей тысячелетней жизни земные слова:

– Приветствую тебя, мой брат!

Ветер ответил громиле. Он поздоровался так, как принято на Земле у старых добрых знакомых, пожав огромную и тёплую ладонь своего друга:

– Здравствуй, Горд.

Почувствовав силу рукопожатия, гигантский пришелец в ответ, словно борец перед схваткой, покачал головой от одного плеча к другому, разминая округлые мышцы и шейные позвонки. Его губы то расплывались в улыбке, то сжимались, превращаясь в тонкие, напряжённые струны. Горд проявлял эмоции на лице – он учился жить, как земной человек, и опыт первой встречи помогал ему показать на деле, что космический гость хорошо изучил в теории.

– Как ты узнал меня? – спросил гигант, одарив Ветра не менее крепким рукопожатием.

– Об этом позже... Восхищен твоими размерами. Здесь на Земле, ты выглядишь впечатляюще, – похлопав по плечу громадного слава, оценил выбор тела бородастый.

После восхитительной оценки и ободряющих слов Горд внимательно осмотрел себя, изучая новый костюм – человеческое тело. Проверая на твёрдость мышцы, он, прислушиваясь к скрипу в коленях, несколько раз осторожно присел. Затем пришелец поднял руки вверх, согнул их в локтях и удовлетворённо опустил назад.

– Неплохо. Мне нравится это тело, – слегка протестировав организм, согласился он.

Прервав познавательную беседу, за спиной Горда послышался хруст сломанных веток.

Худощавый инопланетный гость, не обращая никого внимания навстречу старинных друзей, опустился на четвереньки и незамедлительно приступил к изучению лесной флоры и фауны. Почти полностью скрывшись в кустарнике, любопытный пришелец тянулся длинной рукой к уползающему от него насекомому в ярко-красном панцире, желая непременно его нагнать. Не замечая укусов и царапин острых шипов куста, он поймал жучка и деловито сдавал назад. Нижняя часть тела неотвратимо надвигалась в сторону Ветра и, отражая солнечный свет, блистала никак не меньше лысины гигантского Горда.

– Это Моск! – скривил губы громила, изображая улыбку. – Любознательен, как и все учёные славы.

Услышав своё имя, Моск попятился из кустарника быстрее. Встав с колен, он выпрямился во весь рост, держа на раскрытой ладони неведомого зверя божью коровку.

Восхищённый первыми впечатлениями, Светлый пришелец обратился к встречающему их Ветру, отчеканив заученные слова:

– Земля прекрасна! Она великолепна – она восхитительна! Я аналитик Моск. Я прибыл с заданием, вести хронику истории потрясений; не искажать правду, хранить истину и дарить просвещение всем людям чудесной планеты!

Ветер осторожно поднёс палец к божьей коровке.

Букашка быстро переползла, расправила крылья и, взлетев с еле слышным жужжанием, скрылась в лесу. Затем Ветер приветственно сжал кисть инопланетного исследователя, чем немало удивил его.

– На Земле так принято. Открытая ладонь и бодрящее рукопожатие – означают дружеские намерения человека. Хотя не всегда стоит этому верить. Ты понимаешь меня? – спросил Ветер, заглядывая в только что «прозревшие» глаза учёного.

Оставив вопрос без ответа, Моск заинтересовался меховой накидкой и сапогами, а затем изучил Горда и посмотрел на себя.

Найдя некоторое отличие, слава требовательно обратился к собрату:

– Я знаю, что на Земле не ходят голышом. Да и погода, – сказал он, расставив в стороны руки, развёрнутыми ладонями вверх и забавно хмурясь, измерил температуру воздуха, словно на кончиках пальцев находились термометры. Недолго поразмыслив, учёный выдал результат: – Прохладно. Осень! Судя по влажности и цвету листьев на деревьях, безусловно, осень. Следовательно, несложно сделать вывод – нам нужна одежда.

– Соображает! Сразу видно, человек грамотный. Учёный! – рассмеялся бородач. – Вещи в суме под тем деревом.

Ветер резко взмахнул рукой и метнул топор в сосну, растущую за спинами славов, указывая место, где находится одежда.

Оружие точно попало в цель, вонзившись в ствол по самую рукоять. На осыпавшейся коре Моск заметил разрубленную пополам толстую гусеницу. Упав к корням дерева, она извивалась, ища недостающую часть своего откормленного тела.

– Ты убил живое существо, – тяжело вздохнул элегантный пришелец и его взгляд стал мене рассеян и романтичен.

Ветер подошёл к дереву, с лёгкостью выдернул топор и в одно мгновение раздавил гусеницу подошвой мохнатого сапога. Затем он загадочно прищурился и качнул плетёными косичками:

– Брат, это всего лишь насекомое. Добро пожаловать домой, славы!

Чтобы привыкнуть к особенностям земного притяжения пришельцам потребовалось время.

Инопланетные товарищи никак не могли найти равновесие. Тела их падали наземь, словно кто-то невидимый ставил бесконечные подножки и толкал в спину. Но небольшие трудности только подзадоривали космических путешественников.

Нацеленность на успех и терпение вознаграждалось с лихвой. После первых минут поиска координации пришельцы почувствовали баланс, при котором можно одновременно и говорить, и ходить, и поворачивать в разные стороны голову.

Огромный Горд, пряча глаза от солнечного света, пытался ладонью одной руки защититься от его лучей. Второй рукой он набрасывал на себя медвежью шкуру. Но выходило не очень.

Яркий свет слепил здоровяка, а накидка, словно тряпка промасленная барсучьим жиром, скользила и непокорно скатывалась с его могучих плеч. В те минуты гигантский воин не был похож на представителя цивилизации, которая на миллионы лет старше земной. Скорее он напоминал измождённого праздником гуляку. Горд походил на хмельного человека, теряющего последние силы и здравый смысл.

Присев на поваленное дерево, Ветер не без интереса наблюдал за славками. Оба пришельца неуверенно, но упрямо надевали на себя примитивные одежды и веселили его упорством и неуклюжей непосредственностью.

Приняв к сведению советы Ветра, инопланетным гостям всё же удалось, накинуть на себя медвежьи накидки и подпоясаться кожаными ремнями. А вот меховые сапоги, которые, собственно говоря, были достаточно просторны и запросто надевались на самую огромную стопу – никак не поддавались им.

Учёный Моск привыкал к человеческому телу быстрее гиганта.

Космической величины знания, собранные в его голове, помогли осмыслить действительность живее своего собрата. Прислонившись к дереву, Моск стоял на одной ноге и имел все шансы с первого раза натянуть на себя непослушную обувь. Надев сапог, он удовлетворённо хмыкнул и по той же схеме обул второй. Победив в мини-сражении самого себя, учёный покончил с облачением и присел рядом с Ветром. С нескрываемой иронией он наблюдал за дефилом, устроенным могучим собратом. А Горд, словно комедийный актёр продолжал хвататься за ветки, падать и снова вставать.

– Он издевается! – сопровождая взглядом очередной кульбит громилы, шутил Моск.

– У нас горы терпения. Можно подождать, – наблюдая за гигантом, улыбнулся Ветер.

– Я знаю Горда со времён битвы за Бенидор. Пока не укатает спиной полпланеты, не успокоится, – предупредил учёный пришелец.

Не реагирующий на шутки друзей Горд, всё же справился с первым сапогом, натянув его на ногу, и теперь сурово поглядывал на второй.

Великан подмигнул учёному славу сразу двумя глазами:

– Бенидор? Весело вам? Скоро привыкну к здешним кочкам и поговорю с тобой.

– Умных бить нельзя, нас беречь нужно! – поднял поучительно палец Моск. – Фаро закрыл портал на долгие годы. Покалечишь меня, кто разгадает коварные планы врага?

– Разумно. Ты прав брат, – натягивая второй сапог, согласился инопланетный громила, – придётся тебя пощадить. Голову трогать не буду, пусть живёт своей жизнью, а остальное...

Завершив эпопею с сапогами, Горд подскочил так, будто минуту назад претворялся, изображая из себя неваляшку. Он молниеносно очутился за спиной, у сидящего на дереве учёного и, обхватив стальной хваткой собрата, уткнулся подбородком в его плечо:

– Вот и всё, мой мудрейший друг. Давай Расскажи всем, что грубая сила ничего не решает.

Горд двигался так быстро, что Моск не успел согнуть палец, которым он только-только сотрясал воздух, задавая вопрос громиле.

– Ну, хватит, хватит, – расхохотался учёный, – попробуй тебе не сдаться.

– То-то же! – расцепил хватку Горд и вальяжно присел рядом.

Ветер смотрел на детскую игру вполне взрослых, умудрённых опытом славов, и прекрасно понимал бурю положительных эмоций, охвативших друзей.

Получить возможность почувствовать тело и понять, как сложно и как просто управлять человеческим организмом, сродни первому вдоху младенца или, если хотите, это похоже на счастье первой любви. А ещё – радость, рождённую от прикосновения с природой и ощущение причастности к миру живых существ, можно сравнить с возвращением старика в своё детство. Любой человек, проживший долгие годы в ослабевшем от времени теле, мечтает вернуть прежнюю силу и былую прыть. И каждый слав, дай ему возможность ощутить тепло солнечных лучей или просто босым пробежаться по утренней росе, вёл бы себя точно так же – весело и беззаботно. Ветер знал это из собственного опыта. Он, когда-то испытал те же чувства. Жить в человеческом теле, это совсем другой мир, иное измерение.

– Пора в путь братья, – сказал Ветер, твёрдо сжав рукоять топора.

Разгорячённые весельем славы послушно встали и, глядя на вожака, ждали дальнейшей команды, чтобы покинул зону действия телепорта, связывающего два мира, две планеты – Землю и Слав.

Для того чтобы жить среди землян и ничем не отличаться от местного населения, учёными славами был создан организм внешне сходный с людьми. Славы возродили точную копию человеческого тела, коим они обладали в прошлом сами. Эфирная сущность вселялась в биомашину и на тысячелетье срасталась с новым костюмом. Искусственное тело не болело, не старело и излечивалось от ран за какие-то мгновения. В таких костюмах славы могли жить, целую вечность, помня, кто они и откуда пришли на Землю.

Добрая половина пути уже за спиной. Ветер, идущий впереди, без усталости размахивал топором, расчищая тропу. Летать славы не умели, а прыгать по верхушкам деревьев, словно приматы, считалось делом зазорным для существ столь древней цивилизации.

Откидывая в стороны срубленные ветки, ступающий следом Моск, задавал Ветру вопрос за вопросом. Пылкий ум учёного слава требовал знаний и информации, которая могла пригодиться ему на Земле.

Горд прочувствовал своё тело настолько, что буквально творил чудеса.

Приглянувшийся топор в руках Ветра, мог бы удовлетворить желание громадного пришельца, применить исполинскую силу на практике, но вряд ли сражающийся с лесными зарослями согласится, отдать ему своё оружие. Найдя утешение в огромной дубине, больше напоминающее размерами бревно годное для постройки корабельной мачты, Горд высоко подбрасывал его вверх. Затем громил цепко ловил гигантское полено, а поймав, он стремительно вращал его вокруг своего тела. Отлетающие от бревна кусочки коры и издаваемый свист немного пугали, идущего чуть впереди Моска.

– Он точно меня прибьёт, – оглядываясь назад, бормотал под нос учёный.

– В нашем деле, главное, не бояться! – отвечал на ворчание друга Горд, поймав одной рукой брёвнышко.

Моск снова обернулся и тревожно вздохнул:

– Не смогу здесь работать. Это невозможно. Я не проживу на Земле и недели!

– Дойдём до города, и этот топор подарю Горду. Пусть пока разминается, – прорубая колею в густом кустарнике, успокоил учёного Ветер.

Услышав об обещанном подарке, Горд остановился. Он прощально посмотрел на предмет, с помощью которого демонстрировал свою удаль, разжал кисть, и бревно с грохотом рухнуло на землю.

– Приятно иметь дело с по-настоящему умным человеком, – улыбнулся Горд, глядя, как Ветер, играючи расправляется с вековыми зарослями. – Фритская сталь лучшее оружие ближнего боя. Откуда у тебя этот топор?

– Добыт в схватке, – продолжая рубить кустарник, ответил Ветер. – Избавил планету от трёх Тёмных, захватил топор и изъясил два фритских кинжала.

– Отличный гостинец от арглов, – оценил громила добытые трофеи.

– Возможно, мои переживания напрасны, но, надеюсь, земляне не участвуют в межзвёздных сражениях? – осведомился учёный Моск, зная насколько это важно, сохранять втайне инопланетное присутствие.

Работая безостановочно, Ветер слышал, о чём его спрашивает слав и с удовольствием ответил ему на вопрос:

– Люди не имеют представления, в каком мире они живут и кто управляет планетой. И потому, чтобы не рушить религиозные верования землян и секретность нашего задания, следует быть осторожными и избегать прямых контактов с врагом. Не забывайте, что планета остаётся нейтральной, и о победе Света речь не идёт. Мы помогаем своим потомкам – арглы мешают нам. Мы спасаем народы, а они усугубляют и без того сложную жизнь землян. Так будет продолжаться столетиями, пока люди не выберут сами – на чьей они стороне.

– Два полюса на нейтральном шарике, вдали от настоящей войны... зловещее испытание, – сделал вывод Моск. – Работа сложная и опасная, но, я уверен, мы справимся.

– Правильно думаешь, брат, – поддержал учёного Ветер. – Скоро выйдем к городу русов. Осталось идти совсем немного. Не хотел бы торопить события, но всё же скажу, – перестав рубить лес, Ветер закинул топор на плечо и повернулся к славам. – Казалось, как могут существовать бок о бок два мира, две безусловных противоположности на одной небольшой планете? Прошли века, и мы видим – это возможно. Наши потомки выстояли и продолжают жить, как отдельный народ. Племя сильное, целеустремлённое и уверенное в себе настолько, что намеренного бросить вызов всему мрачному миру. Второй вопрос. Готовы ли люди воспользоваться нашей помощью – или посчитают нас демонами из самой преисподней?

Славы смотрели на Ветра, пытаясь спрогнозировать события в будущем. Никто из них не знал, на что способны люди Земли и смогут ли они сделать правильный выбор... И получится ли у них самих защитить планету...

Тысячи планет отвоёваны у Тёмного Альянса и процветают под покровительством Светлого Братства; но, это только видимая сторона успеха. Сотни таких же, полных амбиций и страстей планет, потеряны для Светлого Союза на долгие годы, а, возможно, и навсегда. Что будет с Землёй, чем закончится противостояние миров, славам, конечно, не дано было знать.

Глядя на немного растерянных братьев, Ветер играючи подкидывал, лежащий на плече трофейный топор и хитро улыбался, пряча улыбку в густой бороде. Прими славы обычную для себя эфирную форму жизни, они без труда прочли бы мысли своего сородича, но находясь здесь на Земле, сделать этого невозможно.

– Ты что-то скрываешь от нас Ветер? – спросил Моск.

Ветер первым из славов спустился на Землю.

Возложенная на него наблюдательная миссия превратилась в настоящее противостояние со скаутами холодного Альянса. Две сотни Тёмных бойцов высадились на планете несколь-

кими годами ранее и с присущей им энергией ринулись наводить свой, далеко не миролюбивый порядок. И если бы не помощь первого слава, то людям грозила бы смертельная опасность.

Но помимо грядущих боёв и обозримых несчастий пришелец обнаружил нечто, вселяющее в успех рискованной миссии.

Он неожиданно получил поддержку от особенного человека. Этот землянин откуда-то знал его имя, а также он рассказал о том, что не успеет, остынуть портал, как через три года высадятся ещё два слава. За три весны до прибытия учёного Моска и могучего Горда землянин сообщил их имена. Даже Ветер точно не знал, кто и когда последует ему в помощь. Каково же было удивление, когда спустя три года телепорт материализовал двух ранее предсказанных посланников. И сейчас собранные в боевую группу Светлые пришельцы шли к городу, в котором их ожидал этот особенный человек.

Через несколько сот метров закончился лес, и перед гостями планеты открылось огромное поле, на котором торчали пни недавно срубленных сосен. Вдалеке за полем виднелась деревянная крепость. Окружённая накрепко вкопанными бревенчатыми кольями твердыня напоминала сказочный город и казалась славам бесконечно родным местом, словно отеческий дом прошлого, в котором по сей день рождаются красивые девочки и беспримерно отчаянные мальчуганы.

– И, кстати, не забудьте отрастить волосы, – дал совет Ветер и знакомой тропой уверенно направился к городищу.

Могучий Горд и учёный Моск, как по команде прощально провели ладонями по гладким щекам и подбородку.

После трогательного жеста, извиваясь и скручиваясь на голове и лице славов, стали расти пшеничного цвета волосы. Слегка взъерошив и предав немного сумбура своим причёскам, Светлые пришельцы бросили взгляд назад, прощаясь с лесом, из которого они только что вышли. Запоминая первый день на Земле, славы вживались в новый для себя образ защитника людей. Какое-то мгновение ушло на то, чтобы понять и принять рождённую сегодня действительность. А затем они поспешили вслед за Ветром, с каждой секундой всё ближе приближаясь к древнему городу – к будущей столице Руси.

Глава 3 Москва – наше время

Московский вечер. Первые дни весны. Восьмое марта.

В одном из столичных клубов Апрель Старцев в компании трёх друзей отпраздновал свой двадцать пятый день рождения. Ему сегодня исполнилось двадцать пять лет – четверть века. Но почему-то фраза «четверть века» выдавала тревожную дробь в голове.

«Тебе четвертак» – так сказал друг Денис, произнося тост в честь юбиляра. В воображении Апреля, четвертак – давно забытая денежка времён империи, образом скоротечности вертелась на отполированном столике ресторана. Монетка кружилась мистической спиралью в самом центре стола, сменяя двуглавого орла профилями – то знаменитой императрицы, то мученика царя. Четвертак вращался ни по своей прихоти и бездельно – монетка отсчитывала хронику прошлых времён, возможно, десятков лет, а, может быть, и нескольких сотен. Но какое слово больше возбуждало фантазию – четвертак и век?

Если очертание круглой монетки виделось слишком малозначительным и, казалось, Апрелю, чем-то хрупким и мнимым, то век ассоциировался с коротким разбегом – всего несколько шагов и впереди целая вечность. Как такое, вообще, возможно? Век для цивилизации, это лишь миг – для отдельного человека больше чем жизнь. Но не многим людям Земли доведётся прожить сотню вёсен. А тех, кто прошёл свой сложный, вековой путь, поджидает дряхлость и болезненные сборы для путешествия по дороге вдоль завораживающего млечного пути – там вдалеке у неведомых звёзд.

– К Матвею Сергеевичу обещал зайти, так что простите братцы, – извинялся перед друзьями Апрель.

– Могли бы ещё посидеть, – сожалел Денис Зорин, вспоминая страстно танцующих красавиц под ритмичную музыку в свете пульсирующих огней дискотеки.

– Да хватит тебе причитать. Хорошо выпили – отдохнули, как люди, пора домой, – улыбнулся ещё один друг Апреля, Иван.

– И мне всё понравилось. Спасибо Апрель за вечер. Ведь это и мой праздник, – вставила слово невеста Ивана, Света, крепко прижимая к груди огромную охапку, подаренных друзьями цветов в честь её женского дня.

Девушка жадно обеими руками обнимала душистый букет из тюльпанов и алых роз. Чувствуя девичьим сердцем биение ритма вечерней столицы, Света закрыла глаза и мечтательно вздохнула.

Желание родилось только что. Стремление окунуться в самый центр букета, вскружило девушке голову. Светлана мысленно отправилась в путь, целуя каждый встречный цветочек, пробираясь, как трудолюбивая пчела в мир душистого и ласкового счастья. Ей захотелось нырнуть в благоухающие лепестки лета, вдохнуть ароматы праздника и не возвращаться в морозную Москву никогда.

Но мимолётные мечты не всегда сбываются. Глаза Светланы открылись, и она снова увидела перед собой своих весёлых друзей и ночь, спустившуюся на город.

Посмотрев на усыпанную цветами девушку, Денис перевёл взгляд на Апреля:

– Второй год я праздную твой день рождения, и каждый раз возникает странное желание, подарить тебе духи. Но почему-то дарю их Светику! Наверное, потому что Восьмого марта женщины главнее любого из мужчин. Но я обещаю, на следующий год с меня флакончик, какого-нибудь «ко-ко» или ароматного «ку-ку». Короче, будут у тебя духи – не расстраивайся, брат!

Друзья, не сговариваясь, улыбнулись, получая искреннее удовольствие от общения между собой – потому что празднество в целом удалось.

Отличное настроение после проведённого вечера в баре, атмосфера которого пропитана сексом и хмельным развлечением, сохраняло свою силу, несмотря на уличный морозец. И как

бы ни старалась промозглая погода, она не могла испортить праздник молодым и разгулявшимся москвичам.

– Ладно, если нет продолжения, значит, мы со Светой домой. Пойду ловить такси, – Ваня вытянул руку и ринулся тормозить проезжающие мимо машины.

Дома, в которых проживали четверо друзей, находились в одном районе. По меркам огромного города ребята являлись близкими соседями – и бесстрашно останавливая машину, Иван выполнял работу за всех сразу.

В одном авто тесновато, но всё-таки выдохнув, вполне можно в нём уместиться. Молодые люди были примерно одного возраста и небольшой дискомфорт от стеснённой поездки, компенсировался изрядно выпитым алкоголем и шутками, которые дай волю весельчакам, не утихли бы до утра.

По взмаху Ваниной руки жёлтый «Логан» бойко причалил к тротуару. Перекинувшись парой стандартных фраз с водителем, Иван быстро договорился о цене. И теперь, рассекая морозный воздух, всё той же всемогущей рукой, что остановил такси, Ваня неистово махал своим товарищам, призывая, занять места пассажиров.

– Вы поезжайте, я немного пройду. Подышать надо, – отказался от поездки Апрель.

– Подышишь в машине – поехали, – делая шаг в сторону автомобиля, звал Денис.

– Дениска, я прогуляюсь, – надевая перчатки, «стоял на своём» Апрель.

Денис понимающе кивнул и сдался. Он прощально салютнул рукой и захлопнул за собой дверь. Жёлтое такси рвануло, быстро набирая скорость, и тут же растворилось в тысячах подобных машин.

Расставшись с друзьями, Апрель неспешной походкой отправился по ярко освещённой улице, увешанной с первого до верхних этажей, мерцающей рекламой дорогих магазинов.

Вечерняя и праздничная Москва манила Апреля своими огнями и несчитанным количеством счастливых лиц горожан. Люди всей огромной страны в этот весенний праздник действительно счастливы, но в то же время слегка озабочены выбором подарка для своих половинок. Те, кто решил все вопросы: купил цветы, шампанское и удачно приобрёл презент – спешат скорее вернуться домой, чтобы обнять своих любимых девочек.

Апрель остановился у одной из витрин и посмотрел на своё отражение.

Ему двадцать пять лет. Надо запомнить этот день навсегда – на всю жизнь. Он застегнул молнию тёплой куртки, тормознув бегунок возле подбородка, затем слегка наклонив голову, всмотрелся в стекло, как в зеркало.

Средний рост. Возможно, немного выше среднего. Он худощав, строен, спортивен – впрочем, как и большинство молодых москвичей. Апрель снял вязаную шапку и встряхнул головой. Тут же кончики волос коснулись ровного, чуть вздёрнутого носа. Снова ничего особенного. И причёска у него обычная – с выбритыми висками, как будто его лепили, а после и одевали по одному лекалу, созданному кем-то для его современников. Но, чтобы точно не стать как все, может быть, немного укоротить чубчик? Убрать длину. Хотя пышногрудая девушка из салона, у которой он подстригался раз в неделю, говорит, что ей лучше знать, какая причёска должна быть у него. Апрель спокойно сидел в кресле и никогда не спорил, наверное, потому что хотел понравиться и непременно затащить девицу в постель.

Закинув чуб назад, парень натянул шапку и, подмигнув самому себе, понял, что сегодняшней день не забудется никогда. Это его личные ощущения: начиная с образа иллюзорной монетки, кружащей на столе – заканчивая размышлениями о своём месте в отточенном строю мира людей.

В отличие от горожан, торопливо передвигающих ногами по скользкой мостовой, Апрель никуда не спешил. У него не было любимой девушки, которой парень мог бы подарить океан счастья, отпущенное судьбой время и преданность. Безусловно, он иногда сходил с ветре-

ными красавицами, и даже парикмахерша не смогла устоять перед его обаянием; но верной спутницы легкомысленный Апрель, вероятно, ещё не заслужил.

Несколько лет молодой человек встречался с одной из бывших однокурсниц. Он помогал ей деньгами и знал её родителей. Она благодарно навещала его квартиру по пятницам – после ужина. Они жгли свечи, курили кальян, немного выпивали, а затем подтянутые тела сплетались, выжимая себя, словно после заката никогда не наступит утро – будто сегодня последняя ночь.

Но в один грустный вечер она не пришла. Возможно, курносая Даша разлюбила Апреля и проводит сейчас ночь в одиночестве – или совсем не одна. А, может быть, девушка просто сбежала в какую-нибудь страну, где ярче светит солнце, дешевле табак для кальяна, слаще вино и больше беспричинных улыбок.

Так предначертано судьбой, что родственников у Апреля тоже нет или он ничего не знал об их существовании.

Когда ему было двенадцать его родители бесследно пропали в одной из археологической экспедиции на Северном Кавказе. Коллеги и немногочисленные друзья организовали поиск отца и матери Апреля, но никаких результатов добиться не удалось. Кто-то говорил, что сошедшая лавина навсегда похоронила под слоем снега и грязи молодых археологов, некоторые полагали, недобитые банды террористов убили русских учёных и их тела никогда уже не будут найдены.

В двенадцать лет опекуном над мальчиком взяла бабушка.

С Апрелем никогда не было проблем ни в школе, ни в семейном быту. Он хорошо учился, занимался футболом в столичном клубе «Торпедо» и старался помогать бабуле везде и во всём. Бабушка также платила мальчику взаимной любовью, всецело отдавая себя единственному внуку.

Апрелю исполнилось пятнадцать, и над квартирой, где он жил, поселился мужчина примерно одного возраста с бабушкой. Пожилые люди случайно познакомились на прогулке во дворе и сдружились. Вскоре взаимная симпатия сблизила стариков, и у Апреля стало на одного члена семьи больше. Матвей Сергеевич, так звали этого человека. Весёлыми рассказами о своей бурной молодости новый сосед привлёк внимание мальчика. Апрелю было невероятно интересно слушать его байки. Порой, казалось, что он знает совершенно всё в этом мире. И у Апреля просто не осталось выбора, как по-сыновьи влюбиться в обаятельного старика.

Но неприятности, преследовавшие парня, не отступали.

Бабушке не удалось порадоваться успехам своего внука, и она не увидела, как Апрель окончил школу. Бабуля умерла тихо без каких-либо видимых причин – во сне. Провести в последний путь родственницу и опору Апреля, помог Матвей Сергеевич. С тех пор сосед стал единственным близким человеком, с кем он мог поговорить о себе и о своей жизни. Единственный человек, к которому Апрель Старцев мог обратиться за помощью или советом.

Около часа не спеша, Апрель прогуливался по вечерней столице. Увидев огни своего многоквартирного дома, прибавил шаг. Через минуту он уже находился в уютной квартире. Быстро переодевшись, парень вынул из холодильника бутылку французского коньяка и отправился этажом выше – к единственному оставшемуся на Земле по-настоящему родному человеку.

Глава 4 Союз Светлых и Тёмные Альянс

Когда-то в далёком навсегда ушедшем прошлом славы строили на родной планете счастливое и беззаботное общество, в котором не было лжи, бедности и порока.

Погрешности, заблуждения и промахи случались не раз, но планетарная справедливость, рождённая в войнах и перемириях, подходила к своему логическому спокойствию; а в итоге беспечная жизнь, наскучив сытыми желудками, превратилась в мечту, о покорении всего до чего могут долететь космические корабли. Потому что человеку всегда нужны ориентиры – и где-то там за неосознанным горизонтом ему грезятся лучшие миры.

Найти новые смыслы оказалось несложно. Где их искать, как не во Вселенной? Почувствовав тягу к захватывающим дух свершениям, взоры славов устремились к звёздам. Словно не ведающие страха дети, они с юношеским любопытством отправились в глубокий космос. Покоряя далёкую и непознанную Вселенную, славы распахнули дверь в мир сотен звёзд подобных солнцу, в мир тысяч пригодных для полноценной жизни планет. Не задумываясь о последствиях, молодая цивилизация осваивала эти территории. В числе заселённых была и красавица Земля.

Прошли столетия. Поселенцы с воодушевлением строили большие и малые посёлки. Славы ценили девственную планету и не использовали на ней новейшие технологии. Пять поколений колонистов рождены на Земле, пять поколений считали её отчим домом. Они разводили скот, обрабатывали пашню, выращивали благородные злаки и жили в полной гармонии с природой, пока на Землю не пала тень холодной звёзды.

Быстрое продвижение в глубины космоса и не всегда разумное расширение империи, привело к трагическому конфликту. Заселяя планеты людьми своего народа, славы, к изумлению, узнали, что такая легкомысленная колонизация запрещена начертанными кровью законами. Вселенная, оказалась поделённой на Светлую и Тёмную части. В одно мгновение встреча с людьми, которых славы могли счесть за Богов, открыла для них совершенно новую, фантастическую реальность.

Самый лакомый кусок, отрезанный славами от запретного вселенского пирога – это цветущая Земля. Планета в договоре между альянсами, имела статус нейтрального анклава. Никто не покушался на её прелести, ни одна сущность не смела, высадиться на планете.

К несчастью славов, разведывательный Тёмный патруль обнаружил не законное заселение не только Земли, но и десятка других планет. Плановое сканирование пространства, сообщило патрулю, что закрытые территории проявляют сигналы разумного импульса. Проведя недолгое расследование, выяснилось, что колонисты, заселившие планеты, принадлежат нейтральной цивилизации.

Решение устроить показательную расправу над народом, не входившим в Светлое Братство, стало неотвратимым и ужасающим. Удар был нанесён не только по поселениям, на которых жили незаконные колонисты, уничтожению подверглись планеты, так называемого Треугольника Родины Отцов: Благ, Зеркальная и Муза.

Три планеты издревле заселённые славами всего за несколько дней превращены в пепел. Далее, уничтожены люди на незаконно колонизированных территориях. Остались не тронутыми только красавица Земля и столица – планета Слав.

Земля, на которой не было оружия, не было ничего, что могло представлять хоть малейшую опасность для Тёмных, осталась на десерт.

Славы не считали себя беззащитной цивилизацией. Они верили в силу учёной мысли, полагались на мощь оружия и не сомневались в храбрости отважных солдат империи. Но внезапно столкнувшись с арглами, они оказались совершенно беспомощны. А именно арглы возглавили поход и блицкриг против славов.

Жестокое, всепоглощающее стремление Тёмного народа доминировать над другими, более слабыми расами, придавало зловещий импульс желанию победить. Арглы играючи уничтожали юную цивилизацию. Преимущество в военных технологиях и знакомство с искусством войны, заточенное на полную ликвидацию врага, подразумевало свирепую ненависть к сопернику и лишало слабого противника каких-либо шансов на выживание. Славам оставались буквально часы до полного уничтожения.

В те мгновения, когда, казалось, что судьба империи решена, на помощь пришёл Союз Светлых Рас.

Не было другой силы во Вселенной, способной прекратить безумие – и братский Союз в одно мгновение остановил губительное нашествие. Светлые предложили народу, чьи минуты сочтены, вступить в свои ряды. Славы тут же приняли предложение и война была остановлена в одночасье. Планета Слав спасена. Миллиардам людей удалось избежать смерти, но Земля с её обитателями, была на долгие годы потеряна для Светлых.

Несколько лет представители Союза вели переговоры с Тёмным Альянсом. Принято трудное, справедливое и частично устраивающее обе стороны решение.

Все планеты, где размещались незаконные колонии, как и прежде, признаны неприкосновенной зоной. Не пострадавшая в войне Земля, также являлась пограничным участком. Сохранив жизни колонистам Земли, Союзу пришлось пойти на некоторые уступки, позволив Тёмным в противовес поселенцам, отправить на планету своих граждан. Стороны заключили соглашение о том, что новая цивилизация землян, должна сама выбрать свой путь, примкнув в будущем к тому или иному союзу.

Арглы считали себя победителями в той скоротечной войне. Уничтожены миллиарды жизней, в огне пожаров сожжены процветающие планеты – и это ли не виктория? В честь великой победы провозглашён праздник, именуемый «Пламя справедливости». По случаю празднования объявлена амнистия для самых безнадёжных заключённых. Десяткам тысяч людей Тёмного мира, находящимся под бессрочным арестом дарована новая жизнь, и боольшая часть бывших узников отправлена на Землю.

Представители двенадцати рас должны выяснить, кто выносливей – кто сильнее. Эксперимент забавлял воинственных арглов. Этот опыт обязан показать заклятым врагам, что во Вселенной главная сила – жар холодной звёзды. Да и, вообще, почему бы не устроить забавное соревнование? Когда ещё выпадет такой шанс, затеять игру между мирами на отдельно взятой планете, с которой не сбежать и не скрыться.

Прошли тысячелетия.

Вступив в Светлый Союз, славы сохранились, как самобытный народ. Они открыли для себя сакральный источник неиссякаемого добра и света. Священные знания, унаследованные от древнейших цивилизаций братства, даровали им возможность, совершить гигантский эволюционный скачок и обрести бессмертие. Освободившись от плоти, эфирные тела перемещались с огромной скоростью в космическом пространстве, а в перспективе приближённые к вселенским секретам славы могли создавать миры и управлять новорождёнными мирами – на равне с Великими.

Судьбы Тёмных поселенцев на Земле сложились ни так, как задумали арглы.

Некоторые расы сумели адаптироваться к новым условиям, многие исчезли, оставив после себя лишь пещерные рисунки или наскальные изваяния, не имеющие никакой практической пользы.

Потеря былых знаний с каждым десятилетием отдаляла Тёмные народы от учений прошлого. Веками главным оружием войны оставались камни и увесистая дубина. Люди Земли перестали считать годы и элементарно вести летопись истории.

Промчались века забвения.

Тёмные колонисты вели нескончаемую войну между собой. Радость временных побед, сменялась озлобленностью от чувствительных поражений. Воюющие племена погрязли в болоте ненависти и страданий, совсем позабыв, для чего их доставили на Землю. Они воевали, убивали, погибали сами и возрождались из пепла, но не выполняли свою главную миссию.

И у потомков славов зародилась надежда выжить.

Разноголосый Тёмный десант заставил поселенцев, бросить обжитые места и отправиться в край, восемь месяцев в году усыпанный снегом. Укрывшись в лесах, правнуки славов строили новые города. Они жили мирно и незаметно, не вступая в контакт с вечно претендующими на лидерство народами.

Некоторые племена, живущие по соседству, замечали скрытую силу в северянах и, следуя инстинкту самосохранения, тянулись к ним. Так на Земле зародился народ, расселившийся на снежном одеяле необозримых просторов в северной части планеты. Людей этого народа земляне называли – русами.

Глава 5 Добрые соседи, хорошие друзья

Апрель стоял у двери своего соседа, держа в одной руке дорогой коньяк, другой он нажимал на кнопку звонка.

Призывная, мелодичная трель колокольчика привела хозяина квартиры. Затем раздался щёлкающий звук, поворачивавший механизмы и, наконец, дверь открылась. Доброй улыбкой Апреля встречал невысокий, седовласый человек лет семидесяти пяти.

Матвей Сергеевич Фирсов ждал припозднившегося гостя. Он готовился к встрече.

Чтобы предать некий пафос, пожилой господин облачился особенно: чёрный фрак, белоснежная рубашка и стильная бабочка – придавали немолодому уже мужчине, более чем торжественный вид. Его взгляд, совсем чуть-чуть помутневших от возраста глаз, излучал приветливые нотки. Немного наигранные, минорные нотки, слегка преувеличенно триумфальные; но старик почти не фальшивил. Он действительно любил юного соседа и хотел создать тёплый праздник в этот незабываемый вечер – и неподдельная радость читалась на его открытом лице.

Лёгким реверансом давно ушедшего прошлого Матвей Сергеевич предложил ночному гостю пройти в дом.

– Мой мальчик, заждался я тебя, – радостно приветствовал он.

– Разрешите? – символически вытирая подошву о коврик, показал бутылку коньяка Апрель.

– Заходи, заходи скорее, – пропускал гостя в квартиру Матвей Сергеевич, – лучше поздно, чем никогда. Ты человек слова – обещал, навестишь старика, значит что?

– Значит, меня ждёт дружеский приём и знаменитая закуска от Фирсова, – не задумываясь, ответил Апрель.

Матвей Сергеевич рассмеялся. Что-то радостно бормоча под нос, он впустил в дом молодого человека, а сам отправился на кухню.

Апрель прошёл в комнату и расположился в хорошо знакомом ему кресле.

Около кресла стоял невысокий столик, изготовленный из красного дерева, с изящными резными ножками в виде расправивших крылья птиц. Погладив заострённые клювики пернатых, он откинулся назад и, наслаждаясь тишиной, расслабился. Немного устав от клубной тусовки и шума громкой музыки в баре, Апрель прикрыл глаза. Квартира пожилого соседа, напоминала ему о добрых, школьных годах. Здесь он чувствовал себя по-настоящему дома.

Просторные комнаты, всегда закрытые плотными шторами окна, массивная мебель, тиканье разнообразных больших и маленьких часов – всё придавало некую сказочную атмосферу старины и изыска. Ещё ребёнком Апрель часами рассматривал замысловатые предметы в этой чудо-квартире. Со стен на него смотрели экзотические маски, хмурые воинственные взгляды. Статуэтки идолов ровными рядами, надувая щёки, шептали магические заклинания. Апрель видел в этих предметах нечто большее, чем видят даже самые скрупулёзные ценители и профессиональные собиратели антиквариата. Конечно, умудрённые опытом коллекционеры знают цену таким вещам и даже историю происхождения и мифы, посвящённым древним экспонатам; но Апрель чувствовал их особенно. Не произнося ни слова, молодой человек разговаривал с ними, будто знал их когда-то в прошлом. Словно все эти предметы, может быть, не всегда хорошие и добрые, но очень старые знакомые.

С кухни слышался скрип открывающихся дверок вековой мебели и звон вынимаемой с полки посуды. Матвей Сергеевич, сняв фрак, остался в белоснежной сорочке и чёрной бабочке. Как принято у гостеприимных хозяев он готовил закуску, при этом напевая весёлую песенку из советского кинофильма о пилотах и небе, ставшим для лётчиков родным домом.

Приобретённая за долгие годы поварская хватка холостяка, позволила Матвею Сергеевичу быстро «расправиться» с заранее приготовленными продуктами, и через несколько минут

всё было готово. Заходя в комнату с подносом, на котором расположились колбаска, ломтики тонко нарезанного лимона, заморский заплесневелый сыр и бородинский хлеб, Матвей Сергеевич, как заправский официант, невзирая на свой уже не молодой возраст, лихо маневрировал среди резной прадедовской мебели.

Матвей Фирсов, тоном принятым на официальных дипломатических встречах серьёзно глядя на молодого человека, отчеканил:

– Кушать подано!

Оценив старания хозяина и приглашая жестом руки невидимых гостей, не менее торжественным тоном Апрель добавил абсурда избитой фразе:

– Прошу всех к столу господ! Присаживайтесь, пожалуйста!

Матвей Сергеевич снова от души рассмеялся.

Расставив немногочисленные тарелки с угощениями, старик расположился в кресле напротив. Слегка повернув голову, с хитринкой посматривая на Апреля, он открыл бутылку с французским напитком:

– Хороший коньяк, посыпанный сахаром лимончик и можно разговаривать до утра. Хочу сказать. Тебе двадцать пять лет – это уже серьёзный возраст, сынок. Ничего, что я тебя так называю – сынок?

Апрель привстал с кресла:

– Матвей Сергеевич, я Вашу заботу чувствую, по сей день. Разве есть ещё, то место на Земле, где меня ждут – где так спокойно и уютно? Вы самый близкий человек. Каждое Ваше слово на вес золота.

– Спасибо Апрель, – вздохнул по-стариковски хозяин квартиры. – Просто выполнял свой соседский долг, если изволишь. Так вот. Поздравляю тебя. Мне тоже когда-то было двадцать пять, и я знаю, какой это важный рубеж в жизни. Давай выпьем за тебя и за перемены, которые неминуемо ждут тебя в будущем!

Матвей Сергеевич и Апрель подняли бокалы с ароматно пахнущим коньяком. Они слегка чокнулись, и благородный напиток через мгновение согрел изнутри.

– Спасибо за поздравления. Только о каких переменах Вы говорите? Откуда им взяться? – прикусив корочку лимона, задал вопрос Апрель.

– Жизнь дарит немало сюрпризов, – приподняв бровь, ответил старик. – Посмотри на себя, взгляни на своих сверстников. В двадцать пять лет, вы совсем ещё дети. Но кто знает, может быть, и тебя ждут метаморфозы, так сказать. Всё-таки непростая дата – двадцать пять.

– Вы правы. Жизнь у моего поколения спокойная. Размеренная бездельем жизнь. Нет места для подвига, – поддержал разговор Апрель. – Не знаю, каким Вы были в мои годы, я вижу Вас в настоящем. Сколько лет мы знакомы и за это время, Вы совсем не изменились – даже скорее помолодели.

Апрель не лукавил и не льстил старику – сказав, что он выглядит бодрячком. Матвей Сергеевич действительно создавал впечатление мужчины внешне пожилого, но знающие его люди, отмечали, что он совсем не болеет. А ещё – так же как и другие знакомые – Апрель поражался великолепной памятью и бычьей выносливостью соседа.

Возраст человека хорошо виден по походке или, например, по желанию и стремлению познакомиться с одной или двумя дамами сразу – или даже с целой россыпью красоток.

Матвей Сергеевич не мог представить свою жизнь без женского общества и часто путешествовал. Пару-тройку раз в год он улетал в тёплую страну. Пенсионных отдых с лежанием пупом к солнцу его совершенно не устраивал. Старик любил много и вкусно поесть. Обожал шумные праздники с посещением молодёжных дискотек. Будто юнец отрывался он в ночных загулах, пускаясь вовсе «тяжки».

Апрель несколько раз ездил вместе с Матвеем Сергеевичем на побережье всем хорошо известной Турции и видел собственными глазами, как бодро и зажигательно, тот проводит

время. Пользуясь природным обаянием и немаловажным финансовым превосходством, в сравнении с конкурирующими за знакомство с девушками молодыми людьми, Матвей Сергеевич в мгновение превращался в ловкого и обольстительного ловеласа, без особого труда пленяя длинноногих или совсем невысоких красавиц.

Поразительно, но девушки влюблялись в него, несмотря на преклонный возраст. Матвей Сергеевич никогда не возвращался с вечеринок один, и всегда находилась та, с которой он приходил в свой шикарный номер. А на рассвете, эта молодая счастливица шептала ему: «Спасибо за прекрасную ночь, Матвей».

Затем, позабыв об амурных приключениях, сосед Апреля как ни в чём не бывало с аппетитом завтракал и смело отправлялся на пляж, играть с молодыми мужчинами на песке в волейбол. После плотного обеда пожилой сорванец гонял мяч с худощавыми турками на зелёной лужайке и даже забивал голы. Победив свой возраст в футболе, наступало время сытного ужина, а после него снова в бой – на весёлую дискотеку.

Интересно, что вернувшись домой в Москву, Матвей Сергеевич бесконечно стонал, говоря, как непомерно устал. Он, не стесняясь, жаловался на больные ноги и тревожился за шум в голове.

Принимать за веру старческое ворчание не давали фотографии разудалого соседа и память о нескончаемых вечерних танцах в кругу соотечественниц и чернобровых гражданок других государств. В возрасте Матвея Фирсова люди способны плясать только под арфу или под губную гармошку, а уж о знакомстве с юными девами и говорить не приходится. Так что Апреля не провести. Бодрость духа и желание удивляться, дружно уживались в Матвее Сергеевиче вместе с наигранным ропотом и здравомыслящим, расчётливым умом.

Сегодняшний вечер также проходил достаточно живо – в дружеских беседах и воспоминаниях о бурной молодости Матвея. Старик весело рассказывал байки из своей, а, может быть, и не только своей жизни, и Апрелью, как всегда, нравилось слушать пожилого друга.

– Вы в отличной форме. Хочу произнести тост! – сказал Апрель, наполняя бокалы. – За долголетие! За светлую голову и чистое сердце! За Вас!

– Ой, спасибо дорогой! – воодушевлённый вниманием, искренне ответил хозяин квартиры.

После выпитого конька, празднующие дружно потянулись за лимончиком. Столкнувшись руками возле тарелки, они громко рассмеялись. Настроение было отличное. Всегда приятно провести время в семейной обстановке и поговорить с хорошим человеком – неважно о чём: о пустяках или о вечном.

– Знаешь, Апрель, а я приготовил тебе подарок, – выбрав нужный момент, прищурился Матвей Сергеевич.

– Для меня подарок уже то, что могу, вот так запросто посидеть с Вами, – скромничал парень.

– Перестань. Не стоит нахваливать дедушку. Не заслужил, – пожурил старик. – Перед тем как подарю тебе одну замечательную вещь, расскажу историю. Историю правдивую и думаю, она тебе придётся по вкусу. Идёт?

– Согласен.

– Было это давно году так в восемнадцатом прошлого столетия. Время жуткое. Красные, белые – чёрт их знает, каких только не было повстанцев и разных бродяг. Людишки делят власть, грабят, воюют. В общем, революция... Кому восстание против тирана, а кто-то подзаработать лихостью сподобился. Был такой Федя Пехота. Грабил буржуев и других богатеньких. Брал всё, так сказать, что плохо лежит. На поезда даже нападал ухарь. Большая банда у него была. Но как говорится, если запутался в верёвочке, то, сколько ей не виться конец один – повесят на плетёной удавке и прямо за шею... И устроили чекисты засаду на Федькину шайку. Ключнул на приманку Пехота и угодил в ловушку. Говорят, отчаянно сопротивлялись ребяташки, но

силы были не равны. Всех разбойников перебили, и Федя погиб вместе со всеми своими удалцами. Хотя Федьку живым взять хотели – и не для того, чтобы судить безбожника, закидывая булыжниками. В народе легенды складывали о несметных богатствах Пехоты. Мол, есть деревушка, куда свозит награбленное барахлишко супостат и взять Фёдора нужно живым, чтобы узнать, где прячет негодник украденное. А тут такой казус – нет Феде и нет клада. Никто так и не узнал, где схоронил своё состояние кровопийца... Историю эту слышал ещё мальчишкой. Запомнилась она почему-то. Романтика, наверное. Разбойники, пираты, индейцы, клады... Я вырос, за двадцать мне уже стало. Начал искать. Знал, где шастала банда. Севернее Москвы она промышляла. Не буду утруждать тебя подробностями своего поиска, скажу кратко – когда исполнилось мне двадцать пять лет, нашёл я эту деревушку и дом нашёл. И что ты думаешь в том доме? Правильно. Федькин схрон! Чего там только не было. Серебро, ложки, поварёшки, подсвечники – часов карманных почти целый сундук. Предметы были чудные, разной ценности и старины. Видишь аппарат? – Матвей Сергеевич рукой указал на напольные часы.

– Часы будь здоров, вижу и не первый раз, – кивнул Апрель.

– Нашёл их в том самом доме. Наверное, Пехота усадьбу обчистил богатую. На дороге такие часы не валяются... Очень они мне понравились. Механизм, правда, был сломан, и маятника не было совсем. Но не беда. Отремонтировал часики. Реставратора нанимал. Сейчас выглядят как новенькие.

Матвей Сергеевич поднялся с кресла и подошёл к предмету обсуждения. Часы и впрямь были, будь здоров, высотой в человеческий рост. Снизу массивная цокольная тумба. Выше на тумбе крепился узкий футляр со стеклянной дверцей, за которой чеканил ровный шаг новенький маятник. И, наконец, на самом верху венчал часы корпус с циферблатом, украшенный драгоценными камнями и причудливыми резными стрелками.

Аккуратно открыв дверцу, Матвей Сергеевич остановил маятник. Повернувшись к молодому соседу, он попросил подойти.

Апрель стоял за спиной старика и внимательно ожидал развязки истории о кладе. Матвей Сергеевич показал пальцем на дно футляра, соединявшего его с цокольной частью.

– Никогда бы не догадался, что там тайник, – жадно глядя на часы, говорил старик. – Когда реставрировали, разобрали каркас полностью. Я всегда наблюдаю за процессом ремонта. Каждую деталь исследую своими руками. В тот день нужно было, что-то заменить, какие-то мелочи подремонтировать. Обратил внимание на эту штучку. Видишь щель? – спросил Матвей и постучал ногтем по панели массивной тумбы.

Панель слегка качнулась и отскочила вверх. Старик ухватился пальцем за край откинувшейся крышки и потянул её.

Потайная дверца скрывала небольшое пространство, в котором могли поместиться парочка толстых книг Карла Маркса или, например, обычный, современный утюг. В скрытое пространство пробивался свет, но, к своему удивлению, Апрель не увидел там: ни книг немецкого философа, ни предмета, приводящего одежду в порядок. Хранилище секретов было пусто.

– Тайник! – немного громче обычного вскрикнул хозяин часов, будто только что обнаружил его. От неожиданности у Апреля слегка дёрнулись плечи, а старик тем временем продолжил: – Здесь я нашёл нечто. Нечто, которое хочу подарить тебе.

Матвей Сергеевич опустил крышку, толкнул маятник и закрыл дверцу.

Он заметно волновался. Пальцы рук слегка дрожали и на раскрасневшемся лице появились капельки пота. Достав из кармана брюк носовой платок, старик вытер вспотевший лоб и сделал шаг к комоду, стоявшему рядом с гигантскими часами. Открыв выдвижной ящик, он извлёк резную шкатулку, украшенную ярко-красными камнями и, предложил Апрелю присесть в кресло.

Словно гурман, предвкушающий приём долгожданного блюда, Матвей Сергеевич медленно и очень аккуратно приоткрыл крышку шкатулки.

Глаза соседа быстро забежали, и даже показалось, что он вот-вот чихнёт или заплачет – то ли от пыли, то ли от нахлынувшего счастья. Ещё секунда и Апрель увидел, что на бархатном дне шкатулки лежит прозрачный, конусообразный кристалл, размером со свечу зажигания автомобиля. Бережно вынув кристалл, старик зажал его в кулаке, сел в кресло напротив и скрестил на груди руки.

– Что скажешь?

Процедура появления подарка Апрелю показалась, мягко говоря, странноватой. Матвей Сергеевич волновался так, будто он не дарил, а прощался в чем-то родным и близким.

– Не знаю, что и сказать, – не соврал Апрель.

– Не знаешь? – передразнивая, повторил Матвей Фирсов и положил кристалл на столик. – Да он умнее нас с тобой будет. Эта штукавина, зовёт и пытается заговорить со мной.

– Не понимаю. Что значит, зовёт? – Апрель посмотрел на бутылку коньяка, в которой ароматная жидкость плескалась на самом доньшке. Заподозрив, что старик просто-напросто перебрал, снова услышал голос.

– Ты видел это? Видел?

Кристалл на мгновение вспыхнул десятками цветных лучиков и сразу погас. В ту же секунду по телу Апреля пробежала молниеносная дрожь – то ли от еле заметного свечения, то ли от постоянных и неожиданных выкриков старика.

– Да что ж такое! Может, отложим на завтра презентацию подарка? Что-то прямо – пробирает, – рассмеялся Апрель и встал с кресла.

Старик не стал спорить, как обычно делают захмелевшие люди. Наоборот, облегчённо вздохнул, словно задание, к которому готовился он долгие годы, наконец-то выполнено.

– Молодёжь. Ничему не верят! Я тебе говорю – этот кристалл, понимаешь – живой! Слышал о копье судьбы, о черепах хрустальных? Ты не смотри, что он маленький и невзрачный, этот минерал из той же оперы. Может быть, пришельцы его потеряли, возможно, наоборот, не потеряли, а специально людям в дар оставили. А, может, он есть пришелец? А? Но поверь, с ним не так всё просто. И, вообще, я будто уговариваю тебя.

Матвей Сергеевич подскочил с кресла и быстро вышел в соседнюю комнату.

Вернувшись через минуту, он держал в руках обычную обувную коробку. Подойдя к столу, старик аккуратно переместил в неё кристалл и протянул коробочку имениннику.

– С этого часа пришелец будет жить в картонном ящике из-под обуви! Ну, Вы затейник, Матвей Сергеевич, – принимая таинственный подарок, пошутил Апрель и весело пожал плечами, удивляясь необычному поведению своего пожилого друга.

– Пришелец теперь будет жить с тобой мой мальчик, – ещё шире улыбнулся старик и бросил взгляд на часы-великаны, в которых когда-то находился тайник. – Боже мой, а время-то сколько? Засиделись мы с тобой.

Старик сморщился, словно только что съел цельный лимон вместе с цедрой и, приложив ладонь к груди, тяжело вздохнул, явно жалуясь на сердечную аритмию.

– Спасибо за чудесный вечер, – благодарил соседа Апрель. – Как всегда, было очень интересно послушать Вас. Один рассказ о Пехоте, чего стоит. А уж подарок...

– Ладно-ладно, иди шутник, – покашливая, рассмеялся Матвей. – И о работе не забывай. Послезавтра, чтобы в магазине был вовремя!

Глава 6 Последний гзур – Тагентай

– Накорми мою девочку и присмотри за ней, – передал поводья Горд.

– Не беспокойтесь дяденька, я всё сделаю, – ответил русоволосый, худощавый парнишка с перекошенным от прошлогодней болезни лицом и, поклонившись до земли, взял под уздцы лошадь и повёл под навес.

Мальчишка служил при дворе помощником конюха. Он уже не единожды встречал храброго витязя здесь в этой крепости. Юноша даже знал имя гигантского воина. Его зовут – Горд.

Чудное имя и, казалось бы, русское, но кто-то из старших стремённых сказал, что не совсем русское. Может быть, этот воин пришёл с севера, и он потомок тех легендарных моряков, что ходили за три моря? А, возможно, его принесла льдина размером до облака, на которой путешествовал по океану, после крушения судна. Но, какому бы народу Горд ни принадлежал, ни было ни одного горожанина в посаде – от последнего площадного побирушки, до заносчивого верховного воеводы – который был знаком с ним и не уважал бы его.

Ветераны ратной службы поговаривали, что этот воин стоит сотен, а то и тысячи славных кочевников орды. А ещё волхвы доносили туманное суждение духов, о том, что Горд рождён на небесах и Боги спустили его к русичам, чтобы он помог им выжить. Кузнец князя подтверждал слова волхвов, уверяя, что ангельская броня защищает его – ибо кто-то видел, как сражается витязь голым, и ни одна стрела не берёт его, ни один меч. И сейчас, шлёпая прямо по лужам, мальчишка по-своему, по-детски отдавал должное господину, ни сколько не боясь замочить свои ноги.

Правду сказать, парень немного страшился гиганта, но тот, к кому приехал воин, внушал мальчику, его семье и всем дворовым людям совсем другие чувства: уважение, почёт и спокойствие. Ради человека с не менее странным именем Беркут – люд честной готов вершить подвиг. А лужи? Лужи – это вовсе не препятствие. И ничуть не страшно бегать по ним.

Трое суток шёл бесконечный дождь. Третий день небо закрыто серыми тучами и не видно солнца совсем.

Ливень и порывистый ветер застал Светлого пришельца в седле. По скользкой лесной дороге он несколько часов добирался до деревянной крепости и вымок, словно Боги его окунули в реку. Расшитый золотыми кружевами чёрный плащ обвис под тяжестью воды. Одной рукой он поддерживал плащ, подаренный Псковской княжной, во второй он сжимал амулет на длинной стальной цепи, сорванный сегодня ночью с последнего Тёмного гзура на Земле.

Передав юному конюху кобылицу, Горд поднимался по деревянной лестнице на второй этаж бревенчатого терема с резными перилами. Он всё-таки не удержался и посмотрел вслед своей любимой белой лошадке.

До изобретения и производства машин, ускоряющих не только перемещение людей из одного места в другое, но и жизни человека в целом, было ещё очень далеко. И Горду пришлось пользоваться прадедовским способом – скакать верхом. В том нет ничего зазорного. Светлому пришельцу даже нравилось сидеть на спине животного, нравилось общаться с божьей тварью и, конечно, повелевать с помощью кнута, хлеба, а когда и звучного слова.

Громкий окрик, и прищпорив лошадь, можно набрать приличную скорость. Конечно, для пришельца темп невелик – сродни зевку ленивца на дереве; но для земного человека, это настоящее наслаждение ловить ноздрями ветер и наблюдать, как внизу мелькает трава. Когда он в седле его плащ, год назад расшитый лучшими мастерицами Пскова, словно знамёна храброй дружины величественно развивается на ветру, демонстрируя стать наездника; а волосы на его голове в такт размашистым прыжкам животного – весело хлещут плетёными косичками по могучим плечам. В такие минуты Горд видел себя невероятно привлекательным всадником

– почти сверхъестественным. Он чувствовал, как зачарованно смотрят на него потомки, тех древних руссов – как они восхищаются им.

Если выпада возможность сразиться с Тёмным, Горд непременно желал боя верхом.

Сидя на возбуждённой сражением кобыле, проникаешься крепостью зверя и чувствуешь близость к истокам первородной Земли. А ещё Горд верил, что находясь в седле и убивая в это самое время Тёмного – часть мощи, здоровья и долголетия поверженного врага непременно передаются лошадке.

Гигант щедро делился мистической силой, разрывая пополам тела арглов и фритов. Горд любил и ценил свою лошадь. После каждого боя он приносил инопланетные дары, закидывая её на спину тела поверженных. Кобыла чувствовала заботу, и дрожь пробивала её, когда ноздрями ловила запах порубленного врага. В знак благодарности она фыркала и била копытом оземь. Её ржание услаждало Горда. Громила называл её ласково – Песенка.

Гремя по ступеням огромными сапогами, пришелец поднялся этажом выше. Толкнув тяжёлую дверь, он вошёл в комнату. В полумраке Горд разглядел собрата и присел рядом.

Прижавшись спиной к деревянной стене, гигант посмотрел на дремавшего Моска.

Для обычного человека сон, это один из способов восстановить организм, для Светлого пришельца – показатель крайней усталости. Плотно сжатые губы и широко открытые глаза говорили о том, что тело учёного истощило запасы. И теперь, чтобы вернуть эффективность заложенных в нём функций, Моску приходилось на время обездвигить себя, чтобы скорее наполниться энергией.

В эти минуты лицо пришельца напоминало восковой манекен, а скорее охладевший труп. Его бледная кожа и остекленевшие глаза даже на Горда производили отталкивающее впечатление.

– Здравствуй, богатырь, – глухо зазвучал голос Моска из бездыханного тела.

– Здравия желая, – ответил на приветствие громадный слав и, медленно проведя ладонью по лицу, опустил учёному веки. – Всё бездельничаешь и выпученными глазёнками дармоедов пугаешь?

– Это я пугаю? На себя посмотри, – слышались весёлые нотки из тела учёного.

Любой из славов мог сутками скакать верхом, не переставая, день за днём сражаться с десятками Тёмных и не терять столько энергии, сколько Моск потратил сегодня, излечивая людей. Это означало одно – пришелец отдался своей работе полностью и без остатка.

– Вижу... постарался... отпахал за всех Светлых лекарей сразу, – изучал застывшее лицо брата, Горд. – Сколько тебе удалось спасти?

– Триста пятнадцать человек, – ответил голос.

– За сутки триста... – подсчитывая, шептал Горд. – Необходимо остановить заразу и как можно быстрее. Этого мало.

– Мало? – удивился учёный. – Я считал только тех, кто болен смертельно.

– Ну, тогда много, – улыбнулся громила.

– Мёртвых уже хоронить некому, самое время посмеяться, – укоризненно эхом отозвался голос. Сделав паузу, Моск продолжил: – Что слышно о гзуре? Ты нашёл зверя?

Горд встал со скамьи, отстегнул плащ и, встряхнув, как постиранное бельё, повесил его на высокую спинку громоздкого стула. А затем, будто приевшийся трофей бросил на колени собрата амулет на цепи.

– Ты был прав, это действительно гзур. Его имя Тагентай. Я убил его сегодня ночью... выследил и прикончил, как ядовитую гадину, – совсем без эмоций говорил гигантский слав. – Я забрал у него артефакт – это очень старая вещь. Кто-то из гзуров притащил амулет на Землю. Столько лет прошло, а он всё цел. Ты можешь представить такое? Амулет накалялся и стыл ещё там, в кузнях скалистого Гзура.

Если бы тело Моска работало в обычном режиме, то на его лице отразилась бы реакция на долгожданную новость. Возможно, на губах учёного слава блеснула бы мудрая улыбка или он сморщился, словно солнце слепит его; но сейчас только голос, удивлённый голос выдавал в нём смешанные чувства: восторга, радости и сожаления в том числе.

– Не могу свыкнуться с простой мыслью... Мы спасаем людей – много людей. А с другой стороны: Тагентай последний гзур... он уникальный пример адаптации, выживания и борьбы с чуждой планетой. Солнце, вода, воздух, бактерии – всё против него. Сколько же лет Тёмный прожил на Земле? Необходимо узнать его возраст, – рассуждал голос и сострадание читалось в его словах. Выждав недолгую паузу и что-то обдумав, учёный с горечью добавил: – Тяжело прощаться с Тагентаем – пусть гзур и враг нам.

Горд снова присел на скамью рядом с другом. Он прикрыл глаза и рассказал, что произошло ночью в лесу близ кривой дороги на Псков.

Когда-то гзуров было достаточно, чтобы основать настоящую колонию на Земле. Никто уже не помнит точно, сколько их было на самом деле, но известно, что не менее пятисот. На каждого мужчину приходилась одна женщина. Детей, стариков и немощных в путешествие на Землю не брали – только здоровые, половозрелые особи высаживались на Светлой планете. Вряд ли кто-то сможет правильно произнести имя этого народа и название планеты, где они родились, но арглы именно так называли этих людей – гзуры.

Сплочённый народ размножался, адаптировался, видоизменялся и в итоге сумел на какое-то время закрепиться на Земле. Исключительное свойство восстанавливать организм и излечиваться от болезней, помогало гзурам осваивать куда более сложные миры. Гзуры – это народ хамелеон, народ ящер, а если пришла война, то ярость превращала их в беспощадных, бешеных драконов.

Каждый гзур мог прожить несколько веков. Некоторые проживали больше тысячелетия.

Но случился сбой, и Земля стала отторгать пришлую расу. Сама природа взбунтовалась против ярости гзуров.

Перестали рождаться дети. Около тысячи лет назад умерла последняя женщина племени гзуров, которая, впрочем, давно не могла приносить потомство из-за ранения в живот. После её смерти перспектива сохранить след на Земле, исчезла безвозвратно. Не более десятка взрослых, а скорее пожилых мужчин осталось на планете. В числе выживших потомков ящеров был Тагентай.

Прошло ещё несколько сотен лет, и Тагентай остался совершенно один. Кто-то из его сородичей погиб в бою, некоторые умерли своей смертью от старости; но гзур и один продолжал сражаться, не зная конечной цели борьбы.

Когда Тагентай был совсем ещё юн, он получил тяжёлую травму. В одном из боёв меч храброго руса лишил его ноги по колено. Для любого из землян эта травма неизлечима, для гзура такое ранение дело вполне поправимое. Способность регенерировать потерю конечности у гзура в крови. И словно хвост у ящерицы нога отросла и ничем не отличалась от утерянной в схватке. С новой ногой и сражаться сподручнее, смеялся негибемый Тагентай, вновь взяв в руки оружие.

Он бился с Тёмными соседями других рас. С удовольствием убивал Светлых. А иногда он бежал с поля боя, только для того, чтобы вернуться и отомстить. Но кто-то из учителей допустил промах в прошлом, обучая Тагентаю мастерству боя. После одного из походов гзур получил повторное, жуткое ранение. Ту же ногу ему отрубили чуть выше колена.

Отчаянье зародилось в сердце, оттого что вторично потерянная конечность отрастала у гзуров не совсем так, как прежде. Вместо ноги, вырос кривой короткий обрубок, чем-то похожий на рыбий плавник. И всё было бы ничего, но боль не давала покоя, и даже во сне он терпел страдания.

Так прошли долгие десятилетия пыток.

Духи ушедших предков не оставили Тагентая. Они общались с ним во снах, иногда наяву и советовали не мириться с судьбой, а отправиться в холодную страну миллиона озёр. Он так и сделал.

Тагентай прожил на северном острове долгие годы одиночества. В нём ещё сохранялась сила, и кто знает, сколько Тёмному предназначено оставаться в живых и для чего. Старый гзур посчитал, что его война закончилась, и нет ему дела до Тёмных миров или Светлых идей. У Тагентая были свои пороки, раздумья и горести – своя маленькая Вселенная.

Гзур хромая, карабкался по камням, охотился на зверей и продолжал полную страданий жизнь отшельника. Но однажды в погоне за ослепшей чайкой он оступился и упал вниз на острые скалы. Старый Тагентай сломал при падении здоровую ногу, и жизнь его превратилась в ад. Его муки и скрежет зубов знал каждый куст, каждый лист, каждое дерево на том острове, где уединился он. Гзур выл на солнце, трепетал пред Луной. Он трижды рыл в камнях могилу; но зов родичей заставил жить далее и бороться.

Раздробленная нога гнила, сохла и увеличивала страдания. И тогда духи снова подсказали выход. Тагентай приготовил варево, которое утешало кошмарную боль. Он выпил отвар из трав и грибов и, достав клинок, отрезал обе ноги.

Духи предков спасли Тагентая от мук, лишив разума. Боль ушла безвозвратно, а его злость, с которой он прежде сокрушал врагов, только увеличилась. Тагентай смастерил деревянную тележку, привязал себя к ней и отправился к людям. Тёмный искал смерти. Тагентай ждал, когда славы придут и наконец-то, отправят его к своим близким, давно ушедшим гзурам.

Зверь поселился в лесу, где-то неподалёку от города Псков. Он нападал на путников, грабил обозы, убивал воинов или просто душил заблудившихся крестьян. Тагентай отнимал еду у людей, терзал их тела и ждал конца своего долгого пути.

Гзур не чувствовал обрубков ног, а руки, с помощью которых передвигался в ветвях деревьев, превратились в ужасное, несокрушимое орудие зла. Сила в его руках была таковой, что он запросто мог свернуть лошади шею – главное, уцепиться за ней, главное – схватить. И если кто-то из живых попадал в сети старого гзура, то тогда неминуемая, жуткая смерть ожидала его.

Некоторых из людей Тагентай испробовал на вкус и даже сточил из бедра миловидной крестьянки наконечник смертельной пики.

Жалобы на чудовище, поселившееся в лесу, заставили славов обратить внимание на слухи. Горд решил найти убийцу.

Светлый пришелец понимал, что людские рассказы о лешем, жарящем детей на медленных углях, мягко говоря, преувеличены. Но пропадали люди. Совсем недавно на лесной дороге погиб отряд из пяти русичей, сопровождающих любовницу князя. Возможно, лихой народец диких кочевников устраивает засады и убивает, а, может быть, это, что-то совершенно иное. Лишь только мудрый Моск утверждал, что злодеяния вершат нечеловеческие руки. Учёный слав не был уверен, но предполагал, что кто-то обречённый и потерявший всяческую надежду зверствует на лесных тропах. Моск грешил на дикого утратившего разум гзура, того, что когда-то жил в стране викингов. И Моск не ошибся.

Горд почувствовал зверя, как только растворился в чаще леса. Он ощущал присутствие Тёмных духов – злых и очень опасных. Гигант, словно охотничий пёс, ловил зловонные запахи, отголоски чужих стонов и рык нескончаемой ненависти.

Слав привязал лошадку к дереву, набросал веток, построив шалаш от дождя и, накрывшись расшитым плащом, лёг в ожидании нападения.

Ждать пришлось недолго. Откуда-то сверху на него камнем свалился монстр. Горд скинул плащ и увидел перекошенное яростью лицо гзура. Громила слав не мог ошибиться, он хорошо помнил это племя. Гигант убил сотни гзуров; но этот Тёмный воин был особенный.

Его лицо покрылось рытвинами, бородавками и тонкими просвечивающимися чешуйками. Возможно, гзур проводил много времени в море и потому его тело, словно сливаясь с бурлящей стихией, приняло облик своих далёких предков, вышедших из вод океана.

Гзур хрипел и, хлопая рыбьими глазами, скалил акулю пасть. Он схватил жилистыми руками Горда за шею и душил, что было сил. Но спустя лишь мгновение, гзур понял, что сжал в руках свою долгожданную смерть. Безногий, несчастный гзур давно ждал встречи с вечностью, и она пришла к нему. Громадный Светлый слав избавил его от мук и страданий навсегда.

Перед тем как убить зверя, Горд услышал, как безумный, когда-то невероятно отважный воин – прохрипел своё имя.

«Моё имя Тагентай. Я сын планеты Гзур. Я, Тагентай, – скрипя острыми зубами, как кончики лезвия ножей, шептал убийца людей. – Меня зовут, Тагентай. Прощай и до встречи слав!».

Горд рассматривал тяжёлое украшение, кованное на Гзуре, которое он снял с холодного тела убийцы людей. На одной стороне изображён хвост змеи; а, перевернув его хорошо видно, как голова твари, выпустив раздвоенный язык, пьёт из широкой чаши.

Потеряв интерес, Горд повесил амулет на шею дремавшего Моска и отрешённо посмотрел в потолок.

– Талисман здоровья, – послышался усталый голос из тела учёного. – Такую вещь дарят при рождении гзура. На счастье. Для долголетия.

Горд взглянул на спящего друга, затем, словно маятник часов, пальцем качнул амулет со змеей.

– Видел бы ты этого Тагентая. В нём здоровья не больше, чем в плешивой болотной жабе. Ерунда – это всё. Предрассудки. Этот мерзавец пещерный урод и убийца. Гнить ему в земле и, чтоб его могилу никто не посетил и не вспомнил.

– И всё же жаль. Тагентай уникален. Сохрани этот амулет и передал его Беркуту.

– Передам. Хуже не станет, – согласился громила и, сняв с шеи Моска талисман гзуров, запихнул его обратно в свою суму. Затем Горд поморщился, видимо, вспоминая, ночное происшествие и задал вопрос учёному славу: – Меня больше интересуют люди. Нормальные – обычные люди. Скажи Моск, почему мы не можем построить рай на Земле? Что мешает? И когда, чёрт возьми, мы остановим нашествие чумы? Клянусь своим духом, я делаю всё, чтобы жизнь племён была чиста и богата. Когда же люди будут жить, как предназначено им Светлыми Творцами?

– Мы обязательно создадим рай на этой планете. Мы справимся. Нужно лишь время... И чуму мы победим, без сомнения... Я вылечил сегодня триста пятнадцать человек, – устало ответил голос учёного слава.

Охватившая на западных землях большие и малые города эпидемия, уносила уже тысячи жизней.

Моск боролся с болезнью, принимая всех хворых, не делая скидок на возраст или пол. Разделяя больных на группы, в первую очередь пришелелечил детей. Желательно, чтобы у ребёнка или нескольких малышей оставалась в живых мать.

Горд занимался тем, что отсекал ещё здоровое население от очага заражения. Такую работу можно назвать адской. Гиганту приходилось дробить семьи, и делал он это безжалостно, зачастую забирая детей у живых, но уже не имеющих шанса на выздоровление родителей. От того слова, которыми он сейчас перебрасывался с Моском, были язвительны с видимой тенью усталости от грязной работы.

Ветер, так же как и Горд, ежедневно наведывался в поселения русичей и, скрепя эфирным сердцем, выявлял больных, выполняя неблагодарный труд.

Инфицирована половина населения любого из городов или деревень. На лечение элементарно не хватало времени, и приходилось с горечью наблюдать за массовой гибелью своих потомков. Но большую часть русичей удалось вывести из зоны заражения. Здоровых людей и тех, кого можно спасти, размещали в специальных лагерях, строго соблюдая карантин.

Откуда пришла чума, оставалось загадкой. Как из малой Европы она перекинулась на западные земли Руси, никто точно не знал. Возможно, Тёмные специально распространили заразу, а, может, болезнь пришла случайно с торговцами или с обычными переселенцами.

– Скорее бы снег выпал, – тоскливо вздохнул Моск.

– С ледяной горки захотел покататься? – продолжал шутить над собратом гигант.

Но язвил он, как-то без энтузиазма и по всему было видно, что силы пришельца не безграничны. Горд не только охотился за убийцами по ночам, он тоже лечил больных. Врачевал воин выборочно и не в таких масштабах, как учёный слав. Потратив на лечение немалую часть энергии, ему также требовалось время на подзарядку. Восстанавливался громила «на ногах», отдыхая, например, в конных переездах, сидя на своей любимой лошадке – Песенке.

– К вечеру буду при деле. И ты отдохни брат, – сочувственно звучал голос Моска.

Горд поёрзал по скамье, снова сморщился, будто проглотил пчелу и, отмахнувшись от дружеского совета, сказал:

– Отдыхать я буду, когда вернусь на планету Слав... Новость пришла от Беркута – у него дела куда лучше нашего. Потому что дружина у вождя сплочённая, люди закалённые. Пока мы тут лечим, он занят делом – сражается и побеждает.

– Беркут откупился от ордынцев или принудил к миру воинственных соседей? – немного повеселев, спросил учёный.

– Деталей не знаю. Сегодня он будет в крепости и расскажет сам, – пожал широченными плечами громила. – Да и какая разница русичам, если в доме спокойствие и порядок? Беркут договорился о мире, подкупил, запугал или убил. Какое это имеет значения для людей – главное, всё тихо – дома не жгут, детей не воруют, ну и так далее.

– Это верно. Но откупиться выгоднее. Золото ничего не значит, – настаивал голос.

Горд повернул голову в сторону входной двери. Он услышал скрип половиц и по этому стону влажных досок представил идущего в комнату человека. Через мгновение раздался призывный стук в массивную дверь.

– Заходи! – громогласно отреагировал Горд.

Дверь отворилась, и за порогом славы увидели своего земного друга Беркута.

– Добро пожаловать, брат, – улыбнулся землянину гигант. – Только тебя вспоминали.

Человек в сверкающих латах, закрыл за собой дверь и улыбнулся в ответ:

– Долго жить буду, знаю. Приветствую, славы!

– Приветствую, Беркут, – раздался бравурный голос Моска.

– Беда, – протянул, покачивая головой человек, глядя на спящего слава.

– Такова наша работа, – сожалел учёный. – Присядь, расскажи, что слышно на южных рубежах.

Беркут сел на широкую лавку, приставленную к дубовому столу в самом центре просторной комнаты. После того как зажёл свечу, он сложил на коленях руки и продолжил:

– Слушайте, братья...

Глава 7 Ключ зажигания

Выходной день Апрель посвятил делам будничным.

Встав пораньше, он вооружился пылесосом и приступил к наведению чистоты. Следующим этапом уборки стало мытьё посуды, которой, к счастью, оказалось совсем немного. Обнаруженные в раковине меньше десятка тарелок и некое количество вилок с ложками, буквально через пять минут блистали свежестью и занимали привычные места на полках небольшой кухни.

Нехитрую мебель, оставшуюся от бабушки, Апрель давно заменил новой компактной и современной. Электрическая плита, микроволновка и кофеварка – позволяли молодому человеку быстро и качественно приготовить еду. В квартире находились только самые необходимые предметы: холодильник, просторная кровать, стол с тремя стульями, на стенах полки для книг и шкаф, в котором хранились вещи Апреля. Ничего лишнего, никаких слоников, кактусов или древних самоваров. Хотя работа в антикварном магазине своего соседа, а именно там Апрель добывал себе хлеб, предполагала любовь к изысканным безделушкам. Но такой слабости не наблюдалось. Был, как говорится, здоровый интерес к работе и не более. Апрель понимал ценность вещей, он научился отлично разбираться в возрасте и подлинности предметов, но тяги хранить их в своём доме и желание на них подзаработать, у него не было. Тем и отличается хозяин магазина от рядового продавца или управляющего. Хозяин ценит свой товар и относится к вещам трепетно с придыханием. К тому же владельцу бизнеса нужна высокая прибыль, а продавец довольствуется указаниями босса и средней зарплатой, за непыльную работу.

Покончив с наведением порядка, Апрель предпринял набег на ближайший магазин.

Через тридцать пять минут с полным пакетом он вернулся в квартиру. Забывая купленными котлетами, бутылками и прочей снадобью холодильник, послышалась пищащая мелодия, прибывшего на телефон сообщения. Завершив процесс великого переселения продуктов из цветного пакета в корейский аппарат, Апрель прочёл «эсэмэску». Первым кто потревожил его в столь тяжкое утро после ночного загула, оказался Иван. Красноречивый вопрос: «Как ты?» – говорил, что Ваня скорее жив, чем мёртв, но ему срочно нужна дружеская поддержка.

Пробежав пальцами по сенсорному экрану, молодой человек быстро написал ответ: «Всё хорошо. Иду к тебе. Скоро буду».

Осмотрев квартиру и убедившись, что наступила гармония чистоты, Апрель бросил взгляд на стол. Вспоминая ночную беседу, он поймал себя на мысли, что кристалл, находящийся в обувной коробке, действительно издаёт нечто похожее на шёпот, привлекая внимание. Поразмыслив, Апрель отогнал от себя видение и уверенным шагом направился к входной двери.

После недолгой прогулки по тихим дворам многоэтажных московских домов, он пришёл к своему другу детства, Ивану.

Света, с которой второй год идут разговоры о неминуемой свадьбе встретила гостя.

Привычная атмосфера хаоса никогда не покидала квартиру влюблённой пары. Коридор прихожей был захламлён самыми неожиданными предметами. Запылённый, наполовину спущенный круг для плавания в воде, встречающий в начале весны Апреля Старцева, колоритно сообщал, что квартира Ивана наполнена восторженной страстью первой любви; а порядок и чистота придут позже, когда молодые люди наслаждаются азартным, сексуальным влечением.

– Как ваше здоровье? – шутливо приветствовал друзей Апрель.

– У меня хорошо! Отличный был вечер! – ответила Светлана и неожиданно чмокнула гостя в щёку.

Поцеловав, Света сделала невинные глаза и, покачивая кругленькими бёдрами, лебедушкой поплыла на кухню.

– Смотри Вань, уведу у тебя Светку, – потёр ладонью место, куда пришёлся поцелуй Апрель и, освобождая путь, отодвинул ногой полную коробку, набитую пёстрыми пластмассовыми штучковинами для аквариума.

Ваня тяжело вздохнул. Затем приложив кисти рук к вискам, он натянул кожу лица так, что глаза стали узкими, как у китайца.

Сверкнув чёрными кнопками зрачка, он спросил:

– Апрель, у тебя есть брат?

– Все люди братья, – не задумываясь, ответил Апрель и, повернув голову в сторону кухни, громко добавил: – И сёстры!

– А человек человеку друг, это мы знаем, – убрав руки от лица, снова вздохнул Иван. – А ещё мы знаем, что случайностей в жизни ровно столько же, сколько закономерностей.

– Чаю бы тебе.

– Нет, – отмахнулся Ваня.

– Да что случилось? Всё спиритус-виниус бурлит?

– Ничего у меня не бурлит. Просто вчера после того, как на такси домой приехали, Света захотела шоколадку. Я проводил её до квартиры, а сам в магазин. Дошёл, купил, иду назад... Вдруг чувствую взгляд. Он прожигает! – Ваня поднял глаза на Апреля и стал теребить волосы на затылке так, что у него появился неприличных размеров, начёсанный вихрь, демонстративно кричащий, как сложно сейчас соображать этой голове. – Жжёт, будто лампой греют. Понимаешь? Я оборачиваюсь, а там ты стоишь.

Словно опытный психотерапевт в знак полного согласия Апрель качал головой, принимая за веру всё, что не скажет эго клиент.

В ответ на реакцию друга Иван с горечью зарычал, прощаясь с желанием поделиться тайной.

– Вань, нет у меня ни братьев, ни сестёр, – подбодрил Апрель. – Ты обознался. Просто похож человек. Так бывает.

– Обознался? Что третий раз? – не сдавался Ваня. – Вчера был в подпитии. Храбрости прибавилось, ну и пошёл я прямо на брата твоего или кто он там тебе?

Света, услышав откровения своего парня, прибежала из кухни и заинтересованно под села на диванчик рядом с Апрелем. Она внимательно поглядывала на Ивана.

– Не верите? Третий раз встречаю его, мужика похожего на тебя. Один в один. Лицо у него суровое. Хмурое. Невесёлый товарищ... Я всю ночь думал и утром понял. Тот, что вчера мне привиделся или не привиделся, только похож на тебя, но совсем другой. Он жёстче. Круче. Будто опыт в сотни лет. Глаза умные, даже я бы сказал – усталые. Встретился взглядом и чуть не сбежал.

Судя по настрою скрупулёзным сравнениям и формулировкам, Иван решил найти ответы на мучившие его вопросы и рассказать всё до конца, не боясь, что ему не поверят.

Сделав недолгую паузу, он продолжил:

– Ну что, удивил?

– Ещё как! Ничего себе! Ты такой храбрый, такой отважный, а чуть не сбежал! – сказала Света и, желая как можно скорее услышать продолжение истории, спросила: – Дальше-то что было?

– Да ничего. Я на него, а он в сторону. Шагнул человек в темноту между домами и привет – испарился. Покрутил я головой, посмотрел по сторонам. Нет нигде. Затем, как-то случайно опустил взгляд.

Ваня протиснул пальцы в карман своих узких джинсов и извлёк небольшой металлический ромбик. Покачивая серебристую находку, Иван, придавая вес только что рассказанной истории, многозначительно добавил:

– Вот что нашёл. Тяжёленький он зараза.

Ромбик для случайного найденного металлического обломка был достаточно изящен. Его поверхность испещрена мелкой вязью, похожей на арабские письмена. Чёткие грани и надписи давали повод не сомневаться в том, что предмет был рукотворным и, безусловно, имел свою цену.

– Если за мной следит твой не существующий брат, а на том месте, где он топтался, я нашёл нечто ни на что не похожее, как ты думаешь, для кого оставлена эта штука? Уверен, что для тебя, – ответил Ваня на собственный вопрос и наклонил ладонь.

Покатившийся ромбик, Апрель ловко поймал и тут же передал Светлане, которая, по мнению гостя, немного ревновала, что красивый, серебристый сувенир достался не ей.

Покрутив его и, не найдя отверстий или крючочка, за который можно было бы зацепиться либо вставить верёвочку, она отдала ромб обратно Апрелью.

– Утомил ты меня Ваня. Лучше чай с пирогом попью, – цыкнула Светлана и, потеряв интерес к истории, снова упорхнула на кухню.

– Не перестаёте вы меня удивлять, – глядя на ромбик, улыбнулся Апрель. – Вчера Сергееч о черепах хрустальных и зове кристаллическом. Сегодня ты о братьях двойниках... С вами не соскучишься.

– Я выдумал, что ли? Говорю, вижу его за неделю третий раз. На тебя похож человек. Ну, вылитый ты. Маячит передо мной через день, как приведение. Выпил вчера, ну и что? Я же не идиот! – вспылал Ваня, поправляя взъерошенные волосы на голове. – Своими глазами видел. Понимаешь?

– Ага. Знаю тебя с детства. Заливать ты, конечно, мастак, но сейчас точно не врешь. Только что мне с этим делать? – слегка подбрасывая находку, спросил Апрель.

– Ничего. Оценишь в своём магазине, да продашь, – посоветовал Ваня. – А если серьёзно, то побереги пока. Время покажет, что к чему. Непроста это всё. Непроста!

Апрель недоверчиво покачал головой:

– Всем спасибо, но мне пора!

Прибежавшая на прощальные слова Света, держала в руке небольшой пакет, в который аккуратно упаковала щедрый кусок своего утреннего творения.

– Даже чай не попил, куда-то торопишься вечно. Возьми с собой. Он, правда, вкусный, – протягивая свёрток с едой, причитала Света.

– Закормили, задарили. Ладно, давай, – принимая гостинец, улыбнулся девушке парень.

Выйдя из подъезда, он испытал лёгкое чувство голода. Зря Апрель отказался от приглашения перекусить. Но глядя на свёрток, и ощущая тепло, исходящее от пирога, упакованного внутри, решил, что не всё потеряно и быстрым шагом направился домой.

Скоро придя в свою квартиру, Апрель уселся перед включённым компьютером и попробовал Светланин пирог. Десерт оказался неплох. Хороша стряпуха – Ванькина Светка.

Перекусив, Апрель пролистнул новостную ленту. Затем вспомнив о металлическом подарке Ивана, достал загадочный ромб из кармана и внимательно рассмотрел его.

Все надписи были сделаны – то ли на арабском, то ли на армянском, а, может быть, и на других языках; но в любом случае ни тот ни другой язык он не знал. Интерес к предмету пропал.

Машинально зажав ромбик в кулаке, Апрель снова прильнул к компьютерному монитору.

Событий в мире хоть отбавляй. В Африке упал самолёт. Во Франции захватили заложников. В одной из республик бывшего СССР – война. «Когда же люди уgomонятся» – думал Апрель, читая вести о поджоге Российского посольства в Польше. Статья о бесчинствах в Варшаве была почти прочитана до конца, как внезапно погас экран. В то же время кухня, где сейчас Апрель знакомился с новостями, буквально на секунду залилась ярким светом. Свет проник из комнаты, и молодой человек среагировал на эту загадочную вспышку.

Подумав о коротком замыкании, он принялся осматривать стены и потолок. Оглядев комнату вдоль и поперёк, Апрель не заметил повреждений и не уловил запаха дыма от горения электропроводки – зато почувствовал лёгкое жжение в кулаке и от неожиданности взмахнул рукой.

Из раскрытой ладони металлический ромб пролетел добрую половину комнаты и упал на стол рядом с обувной коробкой, в которой лежал ночной подарок от Матвея Сергеевича.

Тут же сквозь тонкий картон вспыхнул всепроникающий сочный свет, и Апрелью показалось, будто кирпичные стены, из которых построен московский дом, в мгновение растворились в лучах этой вспышки. Парень схватил кристалл и как замороженный, всмотрелся в самый центр мистического минерала.

Любуясь, он аккуратно положил его на стол. Не успел молодой человек перевести дух, как кристалл добавил новых красок, а расписанный вязью неизвестных слов металлический ромб завертелся волчком, словно невидимая сильная рука раскрутила его.

Скорость вращения была настолько велика, что Апрель, не веря своим глазам, видел, как увеличивающийся в размере вихрь, образованный от кружения волчка, засасывает в себя не только предметы, находящиеся в квартире, но и множество неведь откуда взявшихся людей и животных. Всё вершилось настолько быстро, что слыша разноголосицу человеческих выкриков, протяжное мурлыканье и вой зверей, Апрель подумал о сне, в котором он благополучно прибывал.

Он ущипнул себя за ногу, защищённую итальянскими штанами, но не проснулся, а ромб продолжил вращаться ещё стремительней, вовлекая в свой вихрь сотни новых персонажей.

Апрель стоял посреди всего этого безумия, не понимая, что происходит с ним. И только его посетила мысль о неуправляемом сумбуре, из которого срочно надо искать выход, как неведомый голос предложил парню соединить кристалл с неудержимым серебряным ромбом

Вытянув руки, он проник в самую сердцевину огромного вихря и скрепил минерал, с вращающимся волчком. В тот же миг ромб растворился в кристалле. Они слились в единое целое, образовав ослепительную вспышку, похожую на взрыв мистической бомбы.

Ослеплённого Апреля подхватил неосязаемый поток космических частиц и, поглотив его, отправил назад в прошлое.

Глава 8 Где ты, славянское братство?

Мчаться среди миллиарда ослепительно ярких звёзд, довелось совсем недолго.

Стремительный полёт, пересчитал все косточки вплоть до самых маленьких, после чего Апрель погрузился в кромешную темноту. Перед тем как к молодому человеку вернулось зрение, он ощутил запах свежей травы и услышал тревожное конское дыхание.

Сильное животное испуганно хрипело, предупреждая своего наездника об опасности.

Крепко схватив поводья, Апрель, к огромному удивлению, обнаружил себя сидящим на беспокойном, изрядно пропотевшем жеребце. Молодой человек старался сбить порыв напуганного животного. Откуда проснулось умение держаться в седле, он не знал, но это был первый и судя по окружавшим людям, последний его конный выезд.

Жеребец метался, вставал на дыбы, желая выскочить с пяточка, в котором его удерживали с десятков вооружённых людей. Пугавшие скакуна мужчины были одеты в одинаковую форму. Судя по хлёстким фразам на одном из славянских языков, солдаты, вероятнее всего, принадлежали польской нации. Они суетливо кружили вокруг взбесившегося животного, злобно кричали и непременно желали свалить наездника.

Первые мгновения после полёта Апрель слышал только хрип и фыркание своего коня, теперь же до его ушей доносились и другие звуки: зычный приказ командира, бряцанье и звон оружия воинов, а также топот и ржание других лошадей, на которых восседала часть вооружённых драгун. А ещё... отдавался эхом в голове лай собаки и громкая ругань рьяного бойца, вырывавшего поводья из его рук.

Несколько поляков побросав копыя, вцепились в Апреля.

Подбираясь всё выше и выше, они ухватились за камзол и, срывая поясной ремень, на котором крепилась кривая сабля, тянули вниз.

Сумятица не давала возможности сосредоточиться и хорошо разглядеть атакующих мужчин, но, кто бы, это не был, им удалось свалить всадника. Тут же поверженного молодого человека солдаты с хохотом поволокли по пыльной дороге, осыпая зычными ругательствами и метко награждая пинками.

Вдруг на мгновение всё стихло. Сквозь прижатые к голове руки Апрель увидел перед собой командира, бойко руководившего своими солдатами.

– Встать! – громко по-русски крикнул польский военачальник.

Отчего-то уверовав, что в ближайшее время его бить не станут, Апрель убрал руки от головы и поднялся с земли в полный рост.

Быстрым взглядом он успел рассмотреть польского командира, носившего роскошную рыжую бороду. На этом знакомство закончилось.

Молодой человек получил от поляка неожиданный удар кулаком в лицо. Не строя из себя былинного героя, Апрель снова рухнул и, падая, понял, что немного ошибся в этих прекрасных людях. Вторично поверженного Апреля снова подхватили солдатские руки и под смех и улюлюканье, раздавая пинки, как пряники, поволокли по земле.

Драгуны подтащили Апреля к огромному деревенскому сараю и буквально впихнули его внутрь постройки. Напоследок один из солдат смачно плюнул в сторону лежащего парня из будущего и со скрипом закрыл визгливые ворота.

Разглядывая закрывающиеся врата, молодому человеку вспомнились слова своего пожилого соседа о приключениях и переменах, ждущих его впереди.

Огромной радости от происходящего не было, но и горевать от одного удара, нанесённого по физиономии, Апрель не собирался. Захватывающее зрелище с участием злющих драгун и короткое, красочное звёздное шоу, увиденное в неведомом перелёте, покрывали все унижения

от болезненных тычков, незаслуженных тумачков и глубоко неаппетитного плевок беззубого поляка.

Лёгкими шлепками Апрель стряхнул с себя пыль и удивился одежде, в которую был облачён.

На нём ярко-красные кожаные сапоги. В сапоги заправлены широкого покроя штаны из плотной ткани, украшенные по шву разного рода завязками и пуговицами. И наконец, он нащупал расшитую узором рубаху, ворот которой был порядком надорван и держался лишь на «честном слове».

Всё говорило о том, что хозяин этих вещей не рядовой деревенский дядька, а какая-то модная и, возможно, очень важная особа. Апрель мог бы заинтересоваться камзолом, валявшимся под ногами солдат. Разглядев его внимательней, он извлёк бы из нагрудного кармашка неожиданную подсказку, но безвестный пиджачок был нещадно разорван польскими бойцами и затоптан в дорожной пыли.

Красные сапоги, наимоднейшие штаны и расшитая вручную рубаха – это всё, что в данный момент принадлежало Апрелью.

Приведя себя в порядок, насколько это возможно, путешественник во времени прильнул к воротам и, подсматривая в дверные щели, наблюдал, как польские солдаты, что-то спешно перетаскивали к стенам амбара. Словно смышлённые муравьи, они дружно волокли ветки деревьев и прочие деревяшки. Поляки смеялись и, не скрывая, радовались, вероятно, желая поглазеть, как горит живо человек. Это ведь так смешно.

– Да они сжечь меня собираются! – хмыкнул Апрель.

От удивления и растерянности, парень принялся натирать ладонями щёки, как это он делал в детстве на холоде. Только сейчас на улице благоухало лето. Не было ни трескучего морозца, ни кристально чистого, хрустящего снега.

Раздавшийся позади шум, прервал мысль гостя из будущего об абсурдности происходящего. Молодой человек оглянулся и эта мысль, как-то сама собой заиграла в голове с новой силой.

Апрель увидел сидящего на пятой точке бурого медведя. На медведе ошейник, с крепившейся к нему металлической цепью. Пристёгнутая к мишкиному ошейнику цепь вторым концом намотана на мощный деревянный столб, который поддерживал крышу в самом центре гигантского амбара. Апрель заметил не только мишку, спокойно вылизывавшего свою лапу, но и наблюдал могучего русского мужика, развалившегося в стогу сена на противоположной стороне деревенской постройки. Громила, подвернув рукава крестьянской рубахи, вертел одним пальцем конскую подковку и, широко улыбаясь, поглядывал на взволнованного паренька.

– Ну, всё, я спятил! – подытожил в сердцах увиденное зрелище Апрель. – Может быть, мне объяснит, кто-нибудь, что, вообще, происходит здесь?

Старцев посмотрел на сидящего в стогу мужчину. Тот продолжал забавляться. Согнув подкову и превратив её в литой узел, он приступил к обратному процессу, возвращая привычную форму дугообразному предмету.

– Понятно, – покачивая головой, негромко сказал Апрель и посмотрел на косолапого, – Мишка, ты говорить, случайно, не умеешь?

Медведь с грустью взглянул на человека. Затем высунув алый язык, потапыч закрыл глаза когтистой лапой и протяжно зарычал.

– Миша-то, совсем ручной. На ярмарках зарабатывал, – продолжая сгибать подкову, неожиданно заговорил человек с противоположной стороны. – А хозяина его поляки казнили. Вот тут на площади и повесили.

– Хозяина поляки убили? – не поверив здоровяку, переспросил Апрель. Затем вспомнив о солдатах, подкладывающих к стенам дровишки, вздохнул: – Его повесили, а нас собираются сжечь. Ты представляешь, сожгут, как мусор в бочке?

Великан умел говорить, и сей факт не мог не обрадовать парня из будущего.

А тем временем во дворе перед сараем тот самый солдат, что метко плевался в Апрель, упрямо разжигал конец палки, обмотанной какими-то тряпками. Взлохмаченные ошмётки издали напоминали останки, навсегда потерянного для человечества камзола.

После недолгих мучений солдатику всё-таки удалось задуманное. Промасленная тряпка на коряге вспыхнула, и поляк замер с ярко-разгоревшимся импровизированным факелом, ожидая команды рыжебородого предводителя.

Вокруг Апреля творилось безумие и всё казалось полным абсурдом, но солдат с коптящей палкой в руке, прикованный к столбу медведь и могучий мужик с подковой – были настолько явными, что пришлось всерьёз задуматься о сохранении своей драгоценной жизни. Заметив лестницу, приставленную к настилу под крышей, Апрель как опытный матрос шустро вскарабкался по ней и изучил пути к отступлению.

Сверху Апрель посмотрел на восседающего в стогу человека. Мужчина поражал своими размерами и хладнокровием. Он продолжал спокойно наблюдать – пожёвывал соломинку и улыбался.

– Товарищ, давай наверх! Выберемся на крышу и сбежим отсюда, – обратился к нему Апрель.

– Медведя тоже наверх – по лестнице? – ответил вопросом гигант, и его плечи качнулись, предвещая неудержимый хохот.

– Тебе чего, смешно? – удивился Апрель. – Хватит солому жевать. Бежать надо, а то сгорим!

Апрель прополз на коленях по настилу и оказался на противоположной стороне. Спрыгнув, он приземлился прямо перед развалившимся в стогу человеком.

– Лазаешь, как обезьяна. Нормально подойти не мог? Медведя, что ли, боишься? Или, быть может, меня? – продолжал, веселиться мужик.

– Только не надо строить из себя случайного гостя, – не замечая шуточек здоровяка, покачал головой Апрель. – Наверняка не просто так здесь сидишь. Или ты кузнец деревенский? Тогда, где твои эти, как их – молотки, наковальня? Выкладывай – кто ты такой?

Вернув привычную форму «железке», пришелец бросил её на деревянный пол амбара. Подкова подпрыгнула до потолка и скрылась, где-то в сене наверху.

– Я Горд, – представился великан

– Издеваешься? Чем это ты хвастаешься? Сгореть заживо не терпится?

– Не надо меня хоронить, – невозмутимо ответил слав. – Твоё имя Апрель. Моё имя Горд. Всё предельно ясно, брат.

– Значит, знаешь, меня. Тогда скажи, братишка, что здесь происходит?

Пришелец поднял плечи, спрятав в своём гигантском теле, могучую шею и, будто вспоминая школьный урок, почесал подбородок:

– Тысяча шестьсот десятый год – по одному из земных календарей. Смутное время на Руси. Шведы грабят северные земли. Польская армия идёт к Москве. Крошат людей, почём зря, жгут города. Это брат, война.

– Какая ещё война? Какие шведы? Я что, в прошлом? – недоумевал Апрель.

– Это, смотря как посмотреть, – задумчиво рассуждал громила, – вроде прошлое. Ты ведь из двадцать первого века пожаловал? Потому что Фаро воспитывает тебя. Ну и исползует, конечно – не без этого. Для процветания человечества эксплуатирует. Это очень важная миссия, брат!

– Брат говоришь. Миссия говоришь у меня. А морда не треснет у твоего Фаро? – возмутился Старцев, да так, что не на шутку рассмешил гиганта.

– Морда Фаро! – повторил пришелец и рассмеялся так раскатисто, что услышав громогласный хохот, медведь встал на задние лапы. – Ладно, хватит шуток. Нужно выбираться отсюда, а то засиделись. Да и одежда дымом пропахнет, не отстирать и за год.

Тем временем солдаты, получив приказ рыжебородого, разжигали собранные в кучу ветки.

Отсыревшие бревенчатые стены амбара ещё не были охвачены огнём полностью, но дым понемногу просачивался внутрь. Почувствовав опасность, медведь втянул мокрым носом, восходящие тонкие струйки голубоватого дыма и тревожно зарывчав, призвал людей шевелиться быстрее.

Пришелец вынул из кармана своих просторных штанов небольшой кожаный мешочек, схожий с кошелём, где хранятся металлические монетки. Развязав, гигант перевернул мошну и из неё выкатился сверкающий кристалл. От подарка пожилого соседа минерал отличался только размером, а в целом являлся уменьшенной его копией.

– В нём судьба твоя, брат. Твоя жизнь, – сказал слав и отдал кристалл путешественнику по мирам.

Всё-таки происходящее здесь в амбаре напоминало сон или незамысловатую компьютерную игру, в которой Апрель терпел побои польских интервентов, бился с огненным драконом, знакомился с ручным мишкой и в конце квеста, переходя на уровень выше, в качестве награды получал маленький приз в виде волшебного кристалла. Поверить, что персонажи фантастического представления реальны, здравомыслящему человеку невероятно сложно, но пожар, разгоравшийся всё больше и больше, возвращал в действительность, а обжигающие лепестки пламени, принуждали парня бороться за жизнь.

Испытывая уже на своей «шкуре» жар, исходящий от стен, Апрель посмотрел на кристалл.

Кристалл на его ладони слегка переливался и, словно знакомясь, подмигивал разноцветьем радужных вспышек. Чем дольше Апрель смотрел на мерцающий минерал, тем глубже вселенская власть Света проникала в его сознание. Затем резкий рывок вырвал парня за пределы амбара, деревни, а после и самой Земли.

Накрывая магической волной, бросок в неизвестность одарил Апреля неведомой до этого дня свободой и лёгкостью. Его разум погрузился в источник знаний и благодарно принимал дар, посланный ему. Листая огромную книгу мудрых заветов, в его сознание лучезарной струёй вливался чистый, непорочный опыт. Изучая мир заново, отбросив все предрассудки прошлого, Апрель парил среди комет и туманных вихрей. Расстояние до звёзд и планет было огромным, но почему-то космические тела казались такими близкими и даже ручными.

Пролетая мимо бронзового облака, раздался резкий хлопок, похожий на приглушённый грохот молнии. Тут же, заметив человека, дымчатое образование из невесомой бронзы устремилось навстречу.

Очутившись в густом облаке, Апрель закружился в нём. От вращения сердце в груди колотилось с неведомой ранее скоростью. Заработав с нечеловеческой прытью, сердце билось так часто, что кровь, бегущая в его теле, разогналась, как казалось, до космических высот.

Сжав кристалл в кулаке, он рассматривал свою руку.

Вздутые вены совершенно не беспокоили. Апрель ощутил, что непознанная сила и знания наполняют его, как бегущая в жилах кровь, разносит частицы древней мудрости во все уголки организма, наливая здоровьем каждую клеточку тела.

Горд изучал реакцию Апреля, наблюдая за таинством некоего посвящения.

Светлый пришелец прекрасно осознавал, что происходит сейчас и понимал необходимость происходящего. Кристалл, который сжимал в кулаке Апрель, являлся одним из элементов вселенского разума Фаро. И сейчас Фаро возвращал семя, поливал и воспитывал его. Семя, которое со временем вырастит в прекрасное, могучее и бессмертное дерево.

Медведь, прикрывший двумя лапами нос, издал тревожный рык, возвращая в реальность людей.

Найдя взглядом мишку, Апрель сквозь него посмотрел на пылающие стены амбара и в тот же миг, свет, проникавший сквозь сжатые пальцы, погас.

Апрель облегчённо вздохнул и, отрывая до конца ворот рубахи, сказал:

– Всё брат, нам пора выходить из огня.

– Другое дело, – слегка кивнул инопланетный громила.

Пришелец подошёл к рычащему медведю, поднял цепь и, с лёгкостью разорвав её, освободил от оков потапыча. Мишка, словно цирковой на арене, засеменил в сторону выхода, но Апрель уверенным жестом остановил топтыгина, предлагая ему немного обождать, а сам быстро в одно мгновение переместился к воротам.

Жар был такой, что обычный человек получил бы травмы, от которых лечиться пришлось бы долгие годы. Апрель же спокойно стоял, прижимаясь лицом к горящим доскам. Расставив руки, он сделал короткое, почти незаметное движение в сторону пылающих ворот. Раздался глухой хлопок, и деревянное препятствие с грохотом разлетелось в горящие щепки.

Рыжебородый командир, руководивший поджогом, услышав шум, удовлетворённо хмыкнул и перекрестился. Но подняв голову, он обратил внимание на изумлённые глаза своих солдат, смотрящих, куда-то ему за спину. Командир обернулся и увидел, как из пылающего амбара вышли три не опалённые огнём божьи создания.

Зрелище смотрелось феерически.

В середине шефствовал медведь, а рядом по краям от мишки шли два человека. Хозяин русских лесов вышагивал важно вразвалочку и, размахивая передними лапами, грозно рычал. Пройдя десяток метров, троица остановилась. Смолк и топтыгин, перестав рыком пугать пришлых вояк.

Лицо рыжебородого исказилось до неузнаваемости.

Он дрожащей рукой выхватил из ножен саблю, затем дал команду и призвал бойцов наброситься на вышедших из огня. Но польские солдаты, будто не слышали своего предводителя. Все смотрели только на Апреля, который сделал ещё пару шагов вперёд, оставив за спиной и мишку, и огромного Горда.

Расставленными в сторону руками, Апрель походил на живой, мерцающий нежным светом крест. Зарядившись энергией Фаро, он буквально излучал её, ослепляя глаза и разум набожных поляков. Драгуны оторопели настолько, что не решались исполнять приказы своего командира. Но, рьяно размахивая саблями, рыжебородый воевода всё-таки заставил некоторых бойцов действовать.

Двое солдат расчехлили небольшую пушку и робко заряжали её.

Апрель обернулся и посмотрел на пришельца. Горд отрицательно покачал головой, затем быстро переместился к заряжающим. Громила двигался так стремительно, что с солдат, мимо которых он – то ли пробежал, то ли пролетел, сдуло пёстрые шапки. Схватив пушку, Горд поднял её на вытянутых руках и с лёгкостью отбросил в сторону. Пушка с грохотом рухнула наземь, подняв небольшое облачко залежалой пыли, и развалилась на части. После того как первобытная гаубица была устранена, Горд с той же скоростью вернулся к медведю и улыбнулся, демонстрируя Апрелью, прищуренными уголками глаз, что тоже «не лыком шит».

Гигант удивил парня.

Но сигналы бровями, улыбка Светлого пришельца и искромётные взгляды Апреля, остались совершенно не замеченными поляками. Они, как замороженные, смотрели только на светящийся живой крест, ожидая небесной кары или чуда, которое сохранит их никчёмные жизни.

А ведь всё шло по отлаженному и проверенному временем сценарию.

Отряд ворвался в деревушку, жителям которой повезло, и они благополучно сбежали в лес. Храбрые воины смело входили в дома, растаскивая нехитрые пожитки крестьян. Сол-

даты резвились, ловя хрюкающую и пищашую живность, не забывая о полноте своего желудка. Затем они встретили чудаковатого мужика с медведем. Нанося лёгкие удары пиками, солдаты потешались над мишкой, заставляя его выплясывать. Хозяин косолапого оказался не столь послушным танцором, за что и был немедленно вздёрнут на высокой берёзе.

Загнав медведя в сарай, возбуждённые грабежом поляки, заметили, что прямо посреди деревенской площади, борется с разгорячённым жеребцом молодой русский всадник. Переключив внимание на невесту, откуда явившегося человека, драгуны дружно набросились на него. Скинув наездника, они слегка потрепали его, раздавая оплеухи и подзатыльники, а после, решив избавиться от свидетеля, мысль о сожжении живого человека, победила мысль о повешении на берёзе. И через несколько минут сарай был объят пламенем.

Но изумлению солдат, повидавших не раз чужую смерть, не было предела. Из пылающего сарая вышли живые и невредимые: и русский всадник, и медведь, и ещё какой-то гигантский крестьянин. Если смотреть глазами поляков, то картина, безусловно, ужасающая. Вместо того чтобы безропотно превратиться в пепел, человек в виде распятия предстал перед «освободителями» земли русской.

Опустив руки, Апрель перестал излучать свечение. Еле заметным жестом он подозвал военачальника. Польский командир всё ещё крепко сжимал клинок и, наверное, где-то в глубине души уже сожалел о том, что творилось сегодня в этой деревне.

Апрель тяжело посмотрел на поляка и предложил ему сдать оружие.

Рыжебородый подчинился.

Со знанием антикварного дела Апрель изучил сабельку, заметив выгравированный на ручке герб и надпись латинскими буквами. Отдав должное ценности предмета, он воткнул его в землю и ногой переломил лезвие пополам. Затем фрагментом когда-то грозного оружия срезал несколько волосков с рыжей бороды командира.

– Вот и нету великана, – шепнул Старцев.

Поляки побросали всё, чем ещё недавно наводили ужас на деревенских кур. Выстроившись неровными рядами, когда-то бодрые драгуны в один миг превратились в военнопленных, со всеми вытекающими атрибутами невольника. Апрель видел таких же людей на кадрах, хорошо известной фронтовой хроники.

Уставшие немцы, одетые в одинаково потрёпанную одежду, жмутся друг к другу и жалобно смотрят в камеру. Сверхчеловеки, вытирая грязные носы, улыбаются тем, кого буквально вчера не считали за людей и мечтали одних сжечь, вторых прирезать, а третьих, если очень повезёт, отправить работать на великую Германию.

– Ничему вас жизнь не учит, – с горечью пробормотал Апрель.

– Этим ребятам сложно понять, что происходит на самом деле. А нам остаётся лишь провести беседу и отпустить. Иначе поступить мы не можем. Людей убивать нельзя! – «отрубил» инопланетный громила и обратился к рыжебородому: – Болеслав, дай мне клятву, что сегодня был твой последний бой.

Польский командир расстегнул поясной ремень и бросил его к ногам пришельца.

Обезоружив себя, он показал тем самым, что даёт слово – клятву, которую не нарушит никогда. За долгие годы, прожитые на Земле, Горд хорошо изучил людей и точно знал, что человек с рыжей бородой сдержит обещание.

– Идите с богом, – тихо сказал полякам великан.

Рыжебородый развернулся через левое плечо и направился к солдатам.

Проходя мимо неровного строя, он что-то скомандовал и бойцы понуро потянулись за ним, бросив в русской деревне и лошадей, и оружие.

С каждым мгновением дорожная пыль, поднимавшаяся от солдатских ног, всё сильнее скрывала силуэты идущих. Через минуту от отряда не осталось и следа. Только догорающий

амбар, висящий на берёзе человек, да мишка, старательно вылизывающий свою лапу, напомнили о былом присутствии «освободителей».

Горд посмотрел на Апреля и прочитал в его глазах тоску человека, потерявшего идеалы, которые он впитал из детской книжки.

Апрелю казалось дикостью сжигать людей, впрочем, как и вешать. Ну, коли это произошло, а после восторжествовала справедливость, то нужно обязательно наказать преступников. Почему нет? Нельзя вот так запросто отпускать солдат, поверив в то, что они одумаются и, тоскливо покуривая, разойдутся по домам. Как можно простить убийцу, тем более что парень видел глаза поляков, их ярость и безжалостную злобу, с коей они мечтали отправить его к праотцам.

– Не здесь и не сейчас нужно переделывать мир. Они всего лишь слепое оружие, – присев к израненному медведю, разъяснил гигантский пришелец.

Апрель, вспомнив о кристалле, зажатом в кулаке, раскрыл ладонь.

Кристалл блёкло дремал, напоминая незамысловатую, глупую безделицу. Обычная стекляшка – украшение люстры в старых, давно не видавших ремонта квартирах и ни более. Откуда же столько силы в этом предмете? Как и почему он обычный человек из далёких веков, оказался здесь посреди разграбленной деревни?

Последняя стена догоравшего сарая рухнула, и Апрель понял, что пришло время прощаться.

Поглаживая свернувшегося огромным калачом медведя, Горд сказал:

– Тебе ещё трижды предстоит отправиться в путешествие, чтобы добыть три кристалла. Когда и куда отправит тебя Фаро – узнаешь позже. Выполнив миссию, зародится великая сила, которая будет беречь Землю. Если Светлый Творец будет на нашей стороне, мы сможем защитить эту планету.

– Странно всё: Фаро, Тёмные, судьба... ещё... медведь этот, – говорил почти сам с собой Апрель.

Горд, почему-то улыбнулся. Он посмотрел на молодого человека так, как будто знал его долгие годы. Не решаясь сказать, что думает сейчас, гигант продолжил свою прежнюю мысль:

– Помни, что силу, которую даровал Фаро, тебе ещё предстоит осознать. Путешествие в прошлое – это не игра. Прими простую истину и отнесись серьёзно к тому, что ты сегодня узнал.

Не успев ничего ответить пришельцу, Апрель снова подхватил бешеный вихрь.

Яркая вспышка, затем темнота и через мгновение Старцев переместился обратно в свою квартиру. Стоя посреди хорошо знакомой ему комнаты, он с трудом сделал шаг и, теряя равновесие, рухнул на пол.

Глава 9 Эх, Сигизмунд

Из рассказов старших товарищей кому за тридцать, Апрель знал, что такое похмелье: тяжёлая голова, пустынная сухость во рту и парочка вопросов – где вода и за что мне все эти мучения?

С такой же мыслью и схожими симптомами Апрель очнулся, лёжа на полу своей квартиры.

Еле слышно гудел компьютер, но шум, издаваемый им, казался звенящим рёвом реактивного самолёта, за которым небрежно следят ленивые авиамеханики. С трудом поднявшись, Апрель отправился на кухню и с радостью обнаружил в холодильнике бутылку воды, на которой написано, что её содержимое частица ледника с вершин Кавказских гор. Если верить этикетке, опустошив бутылку до дна, он зарядился седовласой мудростью и долголетием. Затем его взгляд привлёк пакет молока.

«Отлично! Какой же я молодец, что сбегал в магазин!» – похвалил себя Апрель.

Наслаждаясь молочком самых благородных коров Вологодчины, молодой человек изучил свой наряд: ни сапог, ни пёстрых штанов, ни рубахи начала семнадцатого века он на себе не обнаружил. Джинсы, носки и футболка с трёхцветной надписью «Россия Всегда» – заставили парня призадуматься и заглянуть в потаённые уголки своей памяти.

Отчётливо помня каждую секунду пребывания в прошлом, Старцев улыбнулся и, хмуря затёкшее лицо, подумал: «А я наивный решил, что похмелья не бывает. Ещё подшучивал над друзьями. Надо же такому привидеться? А ведь всё как по-настоящему. Рыжебородый воевода – ну, как живой. Честно сказать, он больше походил на исландца, чем на поляка, но, тем не менее, такой типаж редко встретишь! А топтыгин? Сарай горит, а ему нипочём. Не бывает таких умных медведей. Не бывает!».

Смастерив бутерброд с колбасой, Апрель вышел из кухни и увидел на полу лежащий кристалл, похожий на тот, что в горящем амбаре, передал ему пришелец, со странным именем Горд. Апрель опустился на колени и, заморожено смотря на мерцающий минерал, поднял его.

– Значит, так ты со мной? – пробормотал он вслух.

На столе всё так же находилась обувная коробка, а рядом лежал минерал – подарок Матвея Сергеевича. После некоторого раздумья к этим предметам присоединился и кристалл, только что поднятый с пола. Отгоняя туманные воспоминания полёта, Апрель по привычке потянулся к компьютеру. Он щёлкнул клавишей «мыши» и тут же загорелся монитор, увлекая его в мир информации, интернет-развлечений и примитивного юмора.

В разделе новостей в глаза «бросилась» строка с надписью «Торпедо (Москва) – Пари Сен-Жермен: счёт игры: 3-0». Апрель кликнул, и открылась статья, в которой сообщалось, что московская команда на стотысячном стадионе имени Валерия Воронина обыграла футболистов из Франции. В третьем туре квалификационного раунда Славянской лиги, московские автозаводцы одержали прогнозируемую победу над парижским клубом...

Зная многое о футболе, и хорошо разбираясь в этой игре, Апрель никогда ранее не слышал о турнире с таким названием. В поисковике он быстро набрал запрос и вскоре получил ответ на обращение.

«Славянская Лига образована в 1961 году и является самым престижным и высокооплачиваемым клубным турниром Старого Света. Основоположниками состязания стали пять государств: Россия, Польша, Чехословакия, Болгария и Югославия. В первые годы в турнире принимали участие по три клуба от каждой страны, плюс команда из западной Европы, которая получала право играть в лиге, победив в Кубке Европейских чемпионов...».

– Этого не может быть, – прошептал Апрель и тут же начал искать в интернете информацию о польском нашествии на Русь.

«Польский король Сигизмунд третий в 1610 году заключил мир с Боярской думой, правящей в те Смутные времена на Руси. Находясь у ворот города Москвы, польская армия, имеющая подавляющее перевес в боевой мощи, внезапно отступила от столицы. Причиной тому послужили волнения, охватившие польских солдат и офицеров. Со слов известного польского военачальника, Болеслава Петровского, в один из дней, когда поляки вели кровопролитные сражения с русскими, ему и его отряду явился божий посланник, который потребовал остановить бойню и велел польской армии отступить. Подписанный договор между Россией и Польшей прекратил многовековую вражду между братскими народами и стал именоваться историками, как «тысячелетние скрепы»...»

Апрель встал со стула, не дочитав статью. Облокотившись на стол, он уставился, на мерцающие кристаллы.

– Не может быть, – повторял, как заклинание Апрель. – Это невозможно! Просто невозможно!

Не оставалось сомнений – своими действиями в деревне, Апрель изменил будущее; а перемены были столь явны и очевидны, что с экрана монитора призывно кричали об этом.

Непонятно, откуда взялся футбольный турнир, которого в его настоящем не существовало. А что делать с захватом столицы? Это, конечно, замечательно, что город остался невредим и был заключён мир, но не известно к каким последствиям привело именно такое окончание войны. Апрель с ужасом понял, что мог навредить своей Родине и кардинально изменить ход истории.

Глядя на страны, участвующие в футбольном турнире, Апрель заметил государство, которое в середине двадцатого столетия элементарно не существовало – это Россия. Куда испарился Советский Союз? Где семья народов и весь огромный потенциал этого Союза? И тут мелькнула ужасающая мысль. Современная Россия, не в пределах ли Московской области её границы или того меньше – в пределах садового кольца?

Будто холодный душ окатил Апреля. Внезапная нечеловеческая боль врезалась в голову. Он пошатнулся и снова потерял сознание.

Глава 10 Урок дружбы

Адским пеклом сожжённый город встречал утомлённых походом русичей. Ступая неуверенной поступью по израненной мостовой павшего града, воины в бессилие созерцали, как тлеющие останки обгоревших срубов, превращаются ветром в тлен. Жар самой преисподней обжигал лица мужей, иссушая слёзы на их щеках. Оплакивая своих родичей, дружинники задавали один лишь вопрос: «За что?».

Беркут смотрел на испепелённое огнём тело, пытаясь понять, кто перед ним.

Узнав, он устремил взгляд в бездонное небо и сжал кулаки – потому что был близко знаком с погибшей женщиной. Выющиеся пшеничного цвета волосы и нежная, как утренняя прохлада улыбка, часто встречали его на пороге благодарного дома. Лучший из воинов любил эту женщину и не раз приходил к ней на ночлег. Беркут хорошо знал её семью, а также знал поимённо всех жителей этого града: от совсем маленьких, до седых мудрых старцев. Оттого его сердце мучительно стонало ещё больше, и боль, причинённая предательством, вызывала вновь проснувшееся чувство мести.

– Живых нет, – потряхнул золу с ладоней Ветер. – Думаю, никто не ушёл. Разграбили город и всех перебили. Княжеская казна пуста. Ничего не осталось.

Пришелец с окладистой бородой сказал эти слова так обыденно, так просто, что Беркуту стало тяжело дышать от нахлынувшей ярости. Звонящая боль в душе увеличивалась от мысли, что это именно он виновен в случившемся. Это Беркут привёл в город две сотни норманнов и решил, что три десятка семей смогут ужиться с русичами. Как могло произойти такое, чтобы без каких-либо причин норманны озверели и в сложное время напасти и войн нанесли удар в спину? Викинги не только ограбили город, они убили жён и детей своих спасителей.

После пришествия Христа прошло несколько столетий. Годы были сказочные, но невероятно сложные для землян. Впрочем, как и всегда.

Когда-то всего в десяти днях пути от поселения, где сегодня Беркут собирал трупы погибших, расцветал большой город. Двадцать тысяч норманнов жили в том городе и его окрестностях. Считая себя непревзойдёнными воинами мужчины северного племени, относились к русичам с почтением, и между поселениями сохранился мир и согласие.

Случалось так, что в трудные дни потомки славов приходили на помощь северянам. Сражаясь с общим врагом, они спасали город норманнов от досаждавших недругов. Викинги отвечали добром за помощь и были готовы в любой момент снарядить ладьи и, не жалея живота своего, последовать хоть на край света за русичами. Но Беркуту помощь норманнов нужна была здесь в приграничье. Храбрые воины в городе северян как нельзя лучше прикрывали от набегов, не давая пройти мимо себя безнаказанно.

Двенадцать лет назад Беркут с дружиной ушёл далеко на юг. В крепости русичей остался лишь небольшой отряд. Прознав об ушедшей дружине, огромная, озлобленная армия варваров немедленно поспешила к стенам русского города.

Проходя по землям норманнов, вожди германских племён, следуя совету Тёмных покровителей, предложили союз викингам. Гордые воины севера не были склонны к предательству – они предпочитали решать вопросы силой на полях сражения и не тратить дарованное Одином время на досужие разговоры. Получив отказ, германцы осадили крепость северян и пошли на штурм города. Но закалённые в боях норманны оказались крепким орешком, раскусить который не удалось и после месяца сражений.

К тому времени Беркут получил весть о вторжении.

Зная, что город викингов находится в смертельной опасности, он повернул дружину назад и поспешил воротиться. Забыв об отдыхе, русичи мчались на помощь – порой, не

заботясь о провизии и воде. Но как не гнали своих скакунов дружинники, как не желали они скорее погрузиться в пекло боя, им выпало лишь наблюдать разгром и гибель города своих соседей.

Что не смогли сделать германские воины, смогут Тёмные пришельцы. Смешавшись с толпой атакующих варваров, арглы фритскими клинками пробили брешь в бревенчатом частоколе крепости, а с противоположной стороны города разрушили ворота.

Германцы ворвались в поселение северян и устроили кровавую баню, убивая всех, кто попадался им на пути. Храбрые викинги гибли сотнями, защищая своих родных. Остались в живых всего несколько взрослых мужчин, лишь только те, кто помогал избежать смерти женщинам и детям, выводя их тайными тропами.

Некоторым из норманнов повезло спастись под обломками стен крепостных построек – иным удалось спрятаться в лесах. Больше двухсот северян приютил город русичей, даруя несчастным защиту и кров. Прожили они бок о бок двенадцать лет. За это время выросли мальчишки норманнов. Дети викингов превратились в молодых, умеющих держать оружие воинов.

Самых сильных, самых выносливых ребят Беркут взял в свою дружину. Другие юноши остались здесь в городище. И видя сейчас, что натворили когда-то спасённые от общего врага люди, Беркута охватило отчаянье и нестерпимая боль утраты. Русичи верили ему. Вождь был для них и отцом, и защитником. Но почему, он великий Светлый витязь, который считал себя знатоком человеческих душ, не смог разглядеть в северянах предателей?

Беркут смотрел на норманнских воинов, вернувшихся сегодня с его дружиной.

Два десятка викингов выросших вместе с русичами стояли с понурыми лицами, не веря своим глазам, не понимая, как их единокровные братья могли сотворить такое. Эти храбрые воины не раз ходили в поход вместе со славной дружиной. Своей ратной службой они заслужили уважение Беркута. Он знал, что в смертельном бою стойким бойцам можно доверить самый сложный манёвр, самую лихую атаку. Так, почему же те, кто остался в крепости – предали?

Сомнений нет, что своими силами им не справится даже с малым отрядом, оставшимся в городе. Вероятно, норманны тайно впустили в крепость своих соплеменников, и они вершили убийство и чинили грабёж, принося дары своим жестоким богам.

– Не терзай себя брат. Не бери грех на душу. Убивать этих воинов не нужно, – шептал Ветер. – Нет твоей вины в случившемся. И они ни в чём не повинны.

– Не одного мёртвого норманна нет среди руин... это безумие, Ветер. Зачем они сожгли город? Неужели только всё из-за золота и драгоценных камней? – злясь на себя, спросил у слава Беркут.

– Норманны винят в гибели своих отцов не тех, кто разрушил их мир. Годы стёрли память о спасителях, – пожав плечами, отвечал Светлому воину пришелец. – А, возможно, и этот северный народ стал жертвой Тёмных последователей.

– Впустить в дом зверя... Это только моя вина, – терзал себя Беркут. – Я должен исправить ошибку. Поведём дружину к озёрам, настигнем гнилое племя и в назидание сожжём города норманнов по всей границе с нашей землёй. Ты со мной, Ветер?

– Нет, Беркут. Мы не пойдём в страну фьордов, воды и камней. Лучше мы построим новый город и окружим этот град ещё более высокими стенами, – положив руку на плечо землянина, предостерег от ошибок слав. – Я расскажу тебе о планете Тюр-Винг. Возможно, эта история подскажет, как жить далее.

Было это давно.

Вступив в Светлое братство, славы выполняли различные поручения Союза. Одно из заданий – следить за молодыми и нестабильными цивилизациями. За цивилизациями способ-

ными на необдуманные поступки, которые по глупости и недоумию готовы уничтожить весь видимый мир, включая себя и своих детей.

В те времена славы только оправились от ран, нанесённых им Тёмными людьми; но всё-таки ведали главную цель и стремились к ней в отличие от многих не менее образованных народов. Одна из таких турбулентных цивилизаций проживала на планете, которая в каталоге Светлой энциклопедии носила название – Тюр-Винг.

Два народа: тюр и винг, говорящие на родственных языках, обитали на той планете. Они враждовали между собой, сколько помнит история тех земель – хотя делить на маленькой планете совершенно нечего.

Различия между людьми едва заметны. Рост одних был практически неотличим от роста других. Волосы вингов были светлее, чем у тюров, а нос был немного вздёрнут и славился своей курносостью, приводя в восторг родителей, которые нянчились с чудо как изящными детками. У темноволосого народа тюр нос был чуть длиннее с крючком, но орлиные черты лица не мешали взрослым также от души радоваться каждому шагу своих малышей.

Были и другие отличия, например, глаза. Они разнились лишь цветом. У народа вингов роговица была светлой с зелёными или голубыми прожилками – у людей тюр – глаза тёмно-синие, иногда жгуче-чёрные, словно ночь.

Отличия хорошо известные всем рождённым на Тюр-Винге, позволяли рассуждать о том, что такая несущественная разница даёт возможность считать одних умными и сильными, других глупыми и слабыми. Причём каждый народ отдавал себе первенство в выборе, где сила и ум и на чьей стороне добро. А в целом это были люди одной планеты – с одинаково красной кровью – с общим желанием жить счастливо самим и сытно растить в достатке детей.

Пришло время – вражда умерла, словно её не было никогда. Почила она, конечно, не сама собой. Случилась долгая мучительная и кровопролитная война, вознёсшая на пьедестал победителя в извечном споре – кто умнее, сильнее, выносливей – чья кровь «чище», а строение тел максимально приближено к венцу творения Создателя.

Тюры победили в войне соседей. Но какой ценой? Были и плюсы, и минусы в той победе.

Границы между странами стёрлись. Люди зажили вместе порой даже дружно – и это, конечно, плюс. А народ светлоглазых вингов сократился в несколько раз – что только безумец назовёт благом. Спасаясь от смерти, винги обратили свой взор в небеса, вымаливая помощь у всемогущих Творцов. Стенанья слышали славы, и «боги» пришли на зов.

Огромные, космические лайнеры приняли на сверкающий борт всех несчастных, желавших бежать с той планеты – и часть непримиримых вингов спаслась от неминуемого геноцида, а другая, совсем малая часть, осталась и безропотно влилась в новое общество тюров.

Мир воцарился на планете. Единство и согласие, рождённое неизмеримой платой в несколько сот миллионов жизней, предвещало благоденствие и успех, что позволило людям Тюр-Винга, вздохнуть, наконец-то, спокойно и счастливо. И это снова плюс – словно жирный крест, сколоченный из костей белокурых вингов.

Несколько веков спустя всё успокоилось. Вражда умерла бесповоротно. Люди зажили слаще прежнего, и взоры тюр-вингцев устремились в космос.

Учёные головы планеты не были умнее голов других неведомых им цивилизаций. Они не сделали ничего особенного. Инженеры не изобрели, что-то важное, грандиозное или сверхъестественное. Учёные только лишь придумали летательный аппарат – космический лайнер, способный двигаться во Вселенной со скоростью гораздо быстрее светового луча. Всё как на многих других близких к Тюр-Вингу и совсем далёких планетах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.